

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«НЕЧТО ИЗ НОРТ-РИВЕР»

КРИСТИАН РОБЕРТ ВИНД

ИНТРОВЕРТ

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2022

ЛОНГ-ЛИСТ

ЛитРес:

Кристиан Роберт Винд

Интроверт

Серия «Mystic роман»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66260724

Аннотация

Сентябрь 2013 года. На свет появляется новый серийный убийца, терроризирующий целый штат. Вот только в этот раз деяния маньяка поражают своей жестокостью даже опытных агентов ФБР. Неуловимый, скрытный и невероятно кровавый, он быстро получает в прессе короткое, но емкое прозвище – Интроверт. Именно так его характеризуют в отделе по расследованию сексуальных преступлений.

После него на руках у полицейских остаются лишь реки крови, очередной распотрошенный труп и масса вопросов. Идти по его следам невозможно, ведь убийца умело уничтожает любые улики и всегда остается в тени. В отличие от типичных серийных маньяков, он не собирается идти на контакт с полицией и уж точно не станет с ней «заигрывать».

Но все это не имеет никакого значения для Софи, ведь она никогда не смотрит новости и не любит читать газеты. У юной девушки есть проблемы поважнее – она в буквальном смысле оказывается на улице после того, как ее мать арестовывают за

нападение на полисмена. И теперь Софи придется выживать в этом холодном мире самостоятельно. В семнадцать лет.

Содержание

Глава 1. Голоса из гетто	6
Глава 2. Bad times	23
Глава 3. Кровь и ветер	53
Глава 4. Человек без имени	74
Глава 5. Кто-то дикий	98
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Кристиан Роберт Винд

Интроверт

*Я ворон без перьев.
Я пыль. Я ничто.
Я ветка, скребущая чье-то окно.*

*Я ветер за дверью.
Оживший мертвец.
Я чье-то начало. Я чей-то конец.*

*Я ливень ночной.
Сова на болоте.
Я то, что придет, когда вы умрете.*

*Я холод степной.
Шаги за спиной.
Я то, что из тьмы манит за собою.*

*Я шорох в подвале.
Коряга в реке.
Я вязкая тина в мутной воде.*

*Я монстр из спален.
Безглазый портрет.
Я то, что есть там, где ничего нет.*

К. Р. Винд, 18 дек. 2020 г.

Глава 1. Голоса из гетто

– Мам, эти хлопья давно просрочены, – тяжело вздохнув, я сунула вскрытую картонную упаковку под нос уставшей женщины с ярко-желтыми волосами. – Видишь? Срок годности вышел еще в апреле!

– Я знаю, Софи, – она со стуком опустила кофейную чашку на обшарпанный кухонный стол самого маленького на свете размера. – Я купила их в лавке у Саманты.

– О, ну тогда понятно, – я многозначительно закатила глаза и покорно принялась за отсыревшие кукурузные хлопья.

Мы обе прекрасно понимали, что нас ждет дальше. Когда мама отправлялась в магазин к Саманте, это означало лишь одно – у нас совсем не осталось денег, и ближайšie несколько недель (*как минимум*) мы будем вынуждены питаться просрочкой, которую Саманта тайно сбывала в нашем чертовом гетто почти задаром.

В такие моменты я называла себя «королевой дисконта». Не слишком-то весело осознавать, что ты питаешься не лучше, чем бродячий пес, копошащийся в мусорном баке на окраине квартала. Скорее, это вообще ничуть не весело.

Даже нищая семья мексиканцев, обитающих по соседству с нами, никогда не затаривалась уцененными продуктами в лавке у Саманты. Чаще всего ее постоянными покупателями были плохо пахнущие бродяги с длинными бородами и без-

работные бедняки. Вдвойне обиднее. Ведь мама много трудилась, да и я нередко помогала ей в ночную смену, тайком прокрадываясь в госпиталь, где она числилась в штате младших медсестер.

Но этих денег все равно катастрофически не хватало. Так частенько случается во взрослой жизни, если ты оказываешься по уши в долгах. Поэтому мой вам горький совет – никогда не берите кредиты и не живите в долг.

...Ну, а потом мама неизбежно скажет, что у нее наклеивается одно непыльное дельце. В лучшем случае, после этого у нас снова ненадолго появятся деньги, чтобы мы могли и дальше выплачивать аренду за ржавый фургон, который арендовали на протяжении последних семи месяцев. В худшем, ее вновь поймут с поличным и упекут за решетку. А мне снова придется пускаться в бега, чтобы меня не могли увезти в сиротский приют на время судебных разбирательств.

В общем... всем привет, перед вами (*вроде как до сих пор*) Софи Доусон! А это – моя новая жизнь.

Ну, что я еще могу рассказать о себе? Я хожу в унылую старшую школу, где в основном числятся одни неликвиды (именно так шепотом сказал директор на ухо новому преподавателю). И у меня почти ничего нет. Ну, всяких там вещей. Вообще, все мое барахло с легкостью умещается на открытой вешалке у входной двери фургона. Там же висит слегка вылинявший школьный рюкзак. Он нежно-розового цвета –

мне он всегда напоминал птенца фламинго. Хотя, если честно, я понятия не имею о том, как выглядят их птенцы. Просто ассоциация.

Что еще?.. Ах, да! Моя мама. Ее зовут Эмили Доусон, но вы можете называть ее миссис Доусон. Так ее называют почти все – и знакомые, и пациенты. Наверное, потому, что у нее очень серьезное и грустное лицо. Таких людей интуитивно не хочется называть по имени. Как-то неудобно, что ли. Порой, когда мы с ней особенно сильно повздорим, что происходит не так уж редко, я тоже начинаю называть ее именно так. Сухо и холодно – миссис Доусон. Тем самым я как бы подчеркиваю ту пропасть, что образовалась между нами в момент очередной перепалки.

Как вы уже могли понять из всего, что я рассказала выше, мы с мамой обитаем в гетто. А если еще точнее – толчемся в крохотном фургончике, в котором невозможно ни уединиться, ни ощутить обыденный для многих людей домашний уют. И если вы вдруг нагрянете в наш квартал (*чего я вам искренне не советую делать*), вы сразу же узнаете наш убогий трейлер. Всю поверхность его правого бока занимает надпись «Foo Fighters», нарисованная красным баллоном, и успевшая заметно выгореть на солнце. А чуть ниже, прямо под ней, красуется слово «Дерьмо», начертанное тем же шрифтом, но уже черным цветом. Очевидно, с течением времени автор граффити разлюбил творчество рок-банды. Люди такие люди...

На самом деле, моя жизнь не настолько ужасна, как вам могло показаться. Район, в который мы с мамой перебрались, пусть и называют самым криминальным и неудобным во всем городе, зато здесь было все то, чего никогда не найдешь в богатеньких кварталах. Прежде всего, тут никто не осудит человека за то, что он неделями таскает одну и ту же одежду. А еще на углу улицы, напротив книжного ларька, продают самые вкусные на свете корн-доги. Всего два доллара за целых пять штук!

– Софи, – предсказуемо начала мама. – Ты ведь понимаешь, что мне придется сегодня снова выйти на улицы?

Я молча кивнула, давась невкусными хлопьями.

«*Выйти на улицы*» – так это называлось в нашей неполной семье. Под этой фразой мама умело маскировала все свои попытки разжиться чужими баксами.

Чаще всего она вместе с несколькими местными чернокожими колесила по другим районам, подыскивая тачку, которую можно было бы с легкостью угнать. А если ничего не выходило, то в действие запускался ее план «Б». Тогда она просто караулила зазевавшегося проезжего в метро, когда он топтался у банкомата, а затем вытаскивала из его кармана изрядно распухлевший бумажник.

Но у запасного плана был очень весомый недостаток – чаще всего маме не удавалось обойти многочисленные камеры видеонаблюдения, рассованные по всей подземке, и тогда уже спустя несколько часов в наш арендованный фургон яв-

лялся толстый смуглый полисмен по имени Генри.

К слову говоря, даже успешно проведенный план «Б» порой оканчивался полнейшим фиаско. Так, в прошлом году на Рождество она притащила в дом всего двадцать баксов и целую кипу фоток какого-то слюнявого малыша, которыми был набит до отказа портативный мужской кошелек. То Рождество мы провели в трейлере, прихлебывая колу из одной бутылки и разглядывая счастливого младенца на снимках. Все пытались понять, какое имя ему бы лучше всего подошло.

– Если я к утру не вернусь, ты знаешь, что следует делать, – мама откинула за спину пережженные обесцвечивающей пудрой волосы и с тоской поглядела в пыльное окно. – Пусть в эту ночь удача будет на моей стороне!..

Наверное, прочитав все это, вы тут же решили, будто мы с мамой – форменная семейка выроdkов, портящих полицейскую статистику и отравляющих жизнь нормальным, более удачливым, людям. И, в общем, вы ошиблись.

Когда-то мы были той самой семьей, которая с легкостью могла бы улыбаться вам по утрам с большой упаковки молока. Но затем маленький бизнес отца – кондитерский магазинчик, не выдержал давления сетевого маркетинга и неожиданной конкуренции. Под натиском «Пончиков Джека», прораставших киосками на каждом углу, будто грибы после дождя, папина лавка обанкротилась. А маминого дохода едва хватало на то, чтобы оплачивать медицинскую стра-

ховку.

Мой отец – толстый и смешной, как раскормленный кот, был невероятно добродушным человеком. А потому совершенно не умел справляться с внезапными невзгодами. В конечном итоге, он не придумал ничего лучше, чем заключить контракт с американской армией. Так мой растяпа-отец внезапно стал военным.

Конечно, если бы мне тогда было не три, а, ну хотя бы, чертовых лет десять, я бы сумела отговорить его от этого безрассудного поступка. Но вся беда в том, что в три года я еще не умела рассуждать здраво, да и вряд ли понимала, что означает слово «война», которое со слезами на глазах все чаще произносила мама.

А дальше отец уехал. Его не было несколько недель, и мы с мамой ужасно по нему тосковали. По вечерам стало некому забираться на большой мягкий живот и некого было дергать за колючие коричневые усы. Живот и усы – это единственное, что я четко помню о своем отце. Остальное со временем начисто стерлось из моей памяти.

Сейчас, когда мне исполнилось семнадцать, я уже хорошо осознаю, что у отца не было ни единого шанса. Неуклюжий, подслеповатый и толстый, он оказался в числе первых жертв боевиков.

Потом... Потом началась наша новая жизнь. Как мама ни старалась, она не могла заработать достаточно, чтобы обеспечивать нас обоих и содержать двухэтажный дом. Поэтому

вскоре наш дом отобрали.

Год за годом наш уровень жизни падал все ниже и ниже, и мы стремительно скатывались по спирали отчаяния, познавая те ее закоулки, о существовании которых прежде даже не догадывались. Вот так мы и оказались в том дерьме, где вы обнаружили нас сейчас.

– Знаешь, мам, – я отставила в сторону полупустую коробку хлопьев и посмотрела ей прямо в глаза. – Ты только не обижайся, ладно? Мне кажется, что ты – самая неудачливая преступница во всем чертовом штате. Может быть, уже хватит?

– Софи! – воскликнула она, и ее лицо вспыхнуло гневом. – Что за выражения ты позволяешь себе за столом?

Я тихо буркнула что-то едкое под нос, отхлебнула глоток несладкого чая из оранжевой чашки с головой жирафа (*и кто вообще решил, что это – отличный подарок для девушки моего возраста?*) и откинулась на спинку скрипучего стула.

– Те черные парни, с которыми ты путаешься, произносят такие слова, от которых покраснел бы сам дьявол. Неужели ты и им делаешь втык, мам?

Я заметила, как она засмушалась. Ее бледные щеки моментально залил ярко-розовый румянец – похожий на тот, что красовался на мордочках котят, украшающих мой угол на постерах над кроватью.

Она всегда тушевалась и обижалась, когда я упоминала о

том, с кем она теперь водится. На самом деле, тот молодой черный парень, который иногда заходил к нам в дом, – как громко называла мама наш крохотный трейлер, был не так уж плох. *(Если, конечно, не брать во внимание тот факт, что он постоянно норовил ухватить ее за задницу)*. Однажды он даже притащил мне огромного оранжевого пса.

Я знала, что мама с ним спит – это было заметно по тому, как они переглядывались и шушукались за моей спиной. Но, думаю, в этом не было ничего предосудительного. В конце концов, каждой взрослой женщине для счастья необходим здоровый и крепкий мужчина. Так не раз говорила моя школьная учительница – преподаватель географии. Правда, я очень сильно сомневаюсь в том, что у нее самой он имелся в наличии.

Тревор, так звали нового маминого бойфренда, вырос в бедной семье в черном квартале, а потому отлично знал о том, как и где можно быстро достать наличные. Именно он уговорил маму влиться в их небольшую компашку – белая женщина с изможденным видом и пересушенными светлыми волосами вызывала у окружающих куда больше доверия, чем татуированные черные парни.

– Софи, ты еще слишком мала, чтобы совать свой нос в подобные вещи, – она демонстративно скрестила под грудью тощие руки. – Марш в свою комнату!

– У меня нет своей комнаты, – равнодушно пожал плечами, ответила я. – По меньшей мере, уже лет десять.

– Значит, иди в свою постель! – повысив тон, категорично выпалила мама. – И как следует подумай о своем поведении, пока меня не будет!

Конечно, мама на меня не злилась. На самом деле, злилась она совершенно по другому поводу. Потому, что в своей прошлой жизни она пекла румяные пироги с тунцом на кухне красивого большого дома, а теперь была вынуждена кормить единственного ребенка просроченным дерьмом из подпольного магазина по сбыту некачественного товара.

Злилась, потому что не смогла остановить отца и отпустила его. Потому, что он погиб и потому, что теперь вместо его толстых мягких рук ее обнимали жилистые пальцы черного парня из гетто.

Она злилась потому, что у нас не было денег для того, чтобы купить мне новую пару кроссовок, хотя мои ступни успели настолько вырасти за прошедшее лето, что теперь пальцы ног, жалобно скукожившись, утыкались ногтями в затертую дочерна стельку.

Она была зла на все, что только угодно, но только не на меня. Поэтому я молча поднялась из-за стола, сделала пару шагов по узкому коридору и упала в свою кровать.

Квадрат крошечной кухни, в этом же помещении, за небольшой перегородкой – спальное место мамы, напротив – мое собственное. В конце трейлера уныло капал водой душ, а еще чуть дальше стыдливо прятался за покосившейся дверцей пожелтевший от времени унитаз. Так выглядел внутри

наш новый дом, который я про себя нередко обзывала сараем. Вслух больше не решалась – после этих слов мама все время рыдала по ночам в подушку, думая, что я крепко сплю и не слышу ее.

Когда она выходила на улицы, оставляя меня в вагончике одну, здесь становилось ужасно одиноко.

Трейлер ютился неподалеку от моста, уводящего широкую полосу автострады прямо к сереющим впереди холмам. Чуть дальше торчали из земли одноэтажные бараки бедняков, из которых до самого рассвета лилась басами громкая музыка и звучал хриплый смех. А иногда – до невозможного грязные ругательства и сердитые женские крики на чужом языке.

Но даже голоса гетто не могли заглушить унылого стука колес машин, несущихся по бетонным перекрытиям моста. Лежа часами в своей неудобной постели, я тарасилась в металлический потолок трейлера, давно успевший окраситься в темно-охряные пятна коррозии, и мне казалось, что вместе с гулом автомобильных движков от меня утекала и моя собственная жизнь.

В такие грустные мгновения меня не радовали даже пушистые розовые котята, прикрывающие глубокие царапины на стенах трейлера. Хотелось только одного – уснуть, чтобы, проснувшись вновь увидеть улыбающееся лицо мамы, тающей в больших и теплых руках неуклюжего отца.

– Софи, я ухожу, – сухо проговорил голос над моей сонной

головой, а затем губы, пахнувшие дешевой помадой, чмокнули меня в щеку. – Помни – если что-то пойдет не так, возьми деньги из моей сумочки и уходи из дома.

– Да помню я, – отмахнулась я, широко зевнув. – Не в первый раз же, мам.

Повернувшись на бок, я сощурилась от яркого света, бившего в мое заспанное лицо. За мутными стеклами трейлера, занавешенными линялыми занавесками, уже стемнело. Должно быть, я незаметно вырубилась, лежа в кровати.

Придирчиво оглядев себя в отражении зеркала, висящего на входной двери, мама бегло оглянулась, окинув меня прощальным взглядом. А затем, тяжело вздохнув, распахнула узкую скрипучую дверцу, выскользнув в темноту.

Я поднялась на ноги, едва не приложившись лбом о нависающую над постелью книжную полку, потянулась и пригладдила спутавшиеся волосы.

У меня ужасные волосы – тяжелые, темные и густые, они обладают таким скверным характером, которому позавидовал бы сам Гринч. В этом году я перестала их подстригать, и теперь темно-каштановые пряди струились по моей спине, свободно спадая ниже лопаток.

Как бы я ни старалась их пригладить или расчесать, они все равно упрямо топорщились во все стороны, отчего вокруг меня то и дело возникал «волосяной ареол», как говорил один мой приятель из старшей школы.

Но, к счастью, до школы оставалось еще несколько дней.

А потому я просто прилизала свою вздорную копну ладонью, критически окинув себя взглядом в помутневшем от времени зеркале.

От матери мне достались большие светлые глаза и бледная кожа, которая при ярких лучах света отливала зеленовато-синим оттенком. А еще – нездоровая худоба и смешные длинные ноги с острыми коленками, похожие на лапки кузнечика. Об этом, кстати, мне также неоднократно напоминал тот самый приятель из школы. От отца мне не досталось ничего. И это расстраивало больше всего на свете.

Я стянула с крючка свою сиреневую олимпийку и как попало натянула ее на себя. Несмотря на то, что на улице только начался сентябрь, было уже заметно холодно. К ночи с моста вниз стекал пронизывающий ветер, сковывая гетто своим ледяным дыханием.

Болтаясь вчера по убогим улочкам между одноэтажных домов, я успела так сильно продрогнуть, что этим вечером решила надеть на себя не только любимую кофту цвета весенней фиалки, но и легкую спортивную куртку. Мой образ дополнили узкие синие джинсы с дырками на коленях и те самые стоптанные кроссовки, которые я никак не могла сменить на новые.

Еще раз поглядев на свое отражение, дрожащее в мутном стекле, я удовлетворенно хмыкнула. Я выглядела именно так, как и должна выглядеть девушка-подросток, коротающая лучшие годы своей жизни в самом отстойном месте на

всем земном шаре.

– Привет, Софи, – прозвенел тонкий голосок, стоило мне лишь ступить за порог трейлера. – Куда ты идешь?

Два пытливых черных глаза остановились на моем лице – примерно на уровне переносицы. Маленькая Хелена, пятилетняя дочка мексиканской парочки толстяков, живущих неподалеку, радостно бегала вокруг меня, напевая какой-то приставучий мотив.

У Хелены выраженное косоглазие. Наверное, это как-то лечится. Если захотеть. Но ее родителям было плевать. Именно поэтому Хелена постоянно ошивалась на улице.

– Я не знаю, – честно ответила я. – А ты почему не дома? Сейчас ведь уже поздно.

– Мама бьет папу, – прощebetала девочка, тряхнув курчавой головой. – Говорит, что он снова пропил все, что заработал. Так что я пока посижу здесь, ладно?

Я закатила глаза. Бесконечные разборки в мексиканской семье тянулись столько, сколько я здесь жила. И заканчивались одинаково – громкими криками и вздохами, от которых даже у самых пошлых лицо шло неровными пятнами. А затем, спустя какое-то время, на свет появлялась еще одна никому не нужная Хелена. Или Хосе.

– Можешь пойти ко мне и посмотреть телек, – я поддела входную дверь вагончика ногой. – Скоро начнется сериал про летающих пони. А в холодильнике, кажется, осталось немного клубничного мороженого...

– Ух ты! Спасибо, Софи! – смуглая девочка повисла на моей талии, смешно дрыгая пухлыми ножками. – А ты не посидишь со мной вместе?

– Думаю, я уже немного старовата для такого досуга, – я качнула головой. – Я хочу немного размяться.

– Ну ладно... – Хелена наконец отпустила мою толстовку и отступила назад, глядя в мое лицо снизу вверх своими косыми черными глазами. – А можно мне доесть все мороженое?

– Конечно. Я оставила его специально для тебя.

Взвизгнув, будто довольный поросенок, она метнулась к двери трейлера, и спустя мгновение до моего слуха донеслось приглушенное бормотание телека. Кажется, это была надоедливая реклама новых женских тампонов.

Фонари на улице горели через один – больше половины печально чернели разбитыми лампочками, так что в ночное время суток местный квартал производил гнетущее впечатление даже на тех, кто не отличался особой мнительностью.

Подбрасываемые ветром, в воздухе кружили пакеты из-под жареного картофеля, а в пожелтевших кустах на обочине тихо шуршали пустые пивные банки. Длинная извилистая улочка зияла глубокими пробоинами на асфальте, а в отдельных местах его не было совсем, и тогда наружу высывалась намокшая земля, поросшая сорняками.

За ободранной задницей фургона маячил ближайший дом – темно-синяя лачуга из растрескавшейся вагонки,

сквозь которую на свет проглядывала светлая полоса гипсокартона. В этом доме жил приятель Тревора – такой же табуированный и чернокожий, как и он сам. А чуть дальше, за покосившейся водонапорной башней, темнел неказистый микродом, принадлежавший родителям Хелены.

В общем и целом, по бокам полутемной аллеи, ютившейся почти под самым мостом, насчитывалось пару десятков однотипных строений, густо заселенных мигрантами из Мексики и обнищавшими американцами.

В основном тут прожигали жизнь те, кто угодил сюда от безысходности. Но были и те, кто здесь родился – например, Хелена и ее многочисленные братья и сестры. Или вырос, как приятель Тревора из синей хибары.

Я провела пальцем по экрану плеера, вставила в уши наушники и сунула руки в карманы сиреневой олимпийки. Внутри моей головы заиграл трек «*London Grammar – Wasting My Young Years*», и пронзительный женский вокал больно кольнул меня под ребра.

Неужели я проведу здесь остаток своей жизни? Неужели вот для этого я и была рождена? Чтобы торчать под мостом в ржавом трейлере и скармливать остатки клубничного мороженого мексиканской девочке?.. А как же мои мечты? Как же, черт возьми, моя великая любовь, о которой я так часто мечтала, валяясь в своей холодной постели?

Неужели, повзрослев окончательно, я тоже начну встречаться с каким-нибудь Тревором, намертво осев в этом

душливом гетто, а затем научусь угонять чужие тачки, чтобы не сдохнуть от голода?..

Я со злостью пнула носком кроссовка стоящую на дороге бутылку, и она, громко звякнув, опрокинулась книзу горлышком. Мой кроссовок тут же окрасился в ярко-желтый цвет.

– О, да ладно!.. – громко заорала я, обращаясь к завывающему над моей головой ветру. – Вы живете в сраном гетто, жрете всякое копеечное дерьмо, но не допиваете свое пиво?

Настроение тут же скакнуло с нуля до минус хреналиона. Надвинув на глаза капюшон и завернувшись в плюшевую сиреневую толстовку, я зашагала по пустынной улице, молча проклиная все, что только попадалось мне на глаза.

...А в этот самый момент где-то далеко, за этим серым бетонным мостом, за низкой грудой унылых холмов, по шоссе спешно скользил надраенный до блеска вишневый автомобиль. За его рулем, нахмурившись и сжав зубы, возвышался странный мужчина.

У него был ровный, прямой нос с аккуратно очерченными ноздрями, и педантично уложенные набок гладкие волосы именно того цвета, о котором так мечтала моя мама, но которого никак не могла добиться дешевыми красками из супермаркета для бедных.

Его тускло блестящие темно-карие глаза пронизывали ночной мрак, спустившийся на спящий город, а тонкие длинные пальцы уверенно сжимали кожаную обшивку автомо-

бильного руля.

На пустующем пассажирском сидении рядом с ним лежал, подсакивая на кочках, большой коричневый чемодан. И мужчина то и дело нервно пялился на него, как если бы ожидал от своего дипломата какого-то неожиданного подвоха.

Он свернул на боковую трассу, ведущую прочь из города и пересекающую гетто, именно в тот момент, когда я торчала у трейлера, беседуя с Хеленой. И пронесся по мосту прямо над моей головой тогда, когда я, едва сдерживая слезы, пыталась стряхнуть со своего кроссовка капли дешевого пива, ощущая себя полнейшим ничтожеством.

Но тогда ни один из нас еще ничего этого не знал. Потому что странный мужчина со светлыми волосами, бросив напряженный взгляд в зеркало заднего вида, быстро соскользнул с шоссе, вернувшись на главную дорогу. А я продолжила бестолково брести по темному переулку, стараясь не обращать внимания на холодный сентябрьский ветер.

Глава 2. Bad times

– До пятого сентября, – добавила я, протягивая смятую купюру.

Мама позвонила мне на рассвете. К тому моменту я уже была в трейлере. Хелена ушла, мне не спалось, и я решила перекусить. Но не обнаружила на пустых полках кухни ничего лучше, чем мои чертовы недоеденные хлопья.

Когда я взялась за коробку, внутри кармана моих джинсов раздалась тихая мелодия.

– Софи, – тихо произнесла мама, и ее голос заметно дрожал. – Милая, собирай вещи и уходи из трейлера. Ты слышишь?

– О нет, – что-то внутри моего живота оторвалось и упало вниз. – Неужели снова?

– Милая... – она вдруг громко всхлипнула, и мне стало по-настоящему страшно. – Софи, я больше не вернусь... Тебе нужно бежать.

Мама никогда при мне не плакала. Даже тогда, когда умер отец. Она делала это тайком, в ванной комнате, думая, будто я ничего не слышу. То, что она даже не пыталась скрыть своих слез, было плохим предзнаменованием. Очень плохим.

– Мама, что случилось? – перед моими глазами поплыли разноцветные круги. – Что вы с Тревором уже натворили?

– Софи, Тревор мертв, – в ее тихом голосе плеснулось от-

чаяние. – Я... Мы попали в настоящую переделку.

Она сбилась, умолкла и попыталась взять себя в руки. Но у нее ничего не вышло.

– Мама...

– Послушай меня, Софи. Теперь я причастна к нападению на полицейского, – затараторила она, давясь слезами. – Во время погони Тревор ранил патрульного, а потом... Я... Я хочу, чтобы ты сейчас же собрала свои вещи, взяла из сумочки деньги и уехала. Не жди меня, Софи. Прости, прости меня...

Крошечная прихожая вагончика затряслась перед моими глазами, будто внезапно началось девятибалльное землетрясение. Сердце колотилось где-то внутри моих барабанных перепонок, начисто позабыв о том, что ему там совсем не место.

– Ваше время вышло, миссис Доусон, – холодно произнес чей-то отдаленный голос. – Пожалуйста, положите трубку на место.

– Софи, прости меня, прости, прошу тебя!..

– Мама! – закричала я, до боли вжимая телефон дрожащей рукой в свою пылающую щеку. – Мам!..

Но внутри уже звучали короткие гудки.

Я почти не помню, как покинула трейлер и добралась до мотеля. И совсем не помню, как складывала вещи в свой пыльно-розовый школьный рюкзак – другой сумки у меня не было.

– Конечно, – безразлично кивнул неопрятный мужчина, схватив двумя пальцами протянутую купюру. – Ключи от вашего номера, мисс.

Он шлепнул на столешницу маленький брелок с одним-единственным ключом, а затем отвернулся и нырнул обратно в подсобку. Я осталась в маленьком душном холле придорожного мотеля совершенно одна.

Здесь было грязно и неудобно. В углах под потолком чернела разводами мокрая плесень, а под ногами время от времени испуганно пробежали суетливые тараканы. Но это было единственное место, где я могла ощущать себя в относительной безопасности. В мотеле «Короли автострады» никто не спрашивал ничьих имен и никогда не требовал документов.

Я схватила свой ключ и на ватных ногах вышла наружу. Небо на горизонте уже успело подернуться золотисто-багряными лучами. Заморосил противный мелкий дождь, и я сразу же продрогла до костей. Привет, чертова осень!..

Я сделала небольшую передышку, остановившись у открытой лестницы, ведущей к номерам. Мне нужно было немного остыть, чтобы не сойти с ума от страха и отчаяния, захвативших мой мозг. Еще немного, и моя голова просто вскипит. И пронизывающий сентябрьский ветер был как нельзя кстати – от его влажных щупалец мне будто стало чуть легче. Проторчав так около десяти минут, я растоптала пяткой кроссовка все опавшие листья в радиусе пары метров. И поняла, что мне нужно двигаться дальше. Во всех

смыслах.

Вскарабкавшись по лестнице на второй этаж, я быстро отыскала нужную комнату и сунула ключ в замочную скважину. Обшарпанная темно-зеленая дверь тут же послушно распахнулась, оголив передо мной свое неосвященное нутро.

В номере оказалось не так паршиво, как я боялась. Постель заправлена свежим бельем, на низкой тумбе в изножье двухспальной кровати чернеет экраном пузатый телек. Из ванной комнаты доносится тихое хлюпанье текущего крана. Во всяком случае, здесь не хуже, чем в железной коробке, в которой я торчала под мостом на протяжении последних семи месяцев.

Захлопнув за собой дверь, я увалилась на кровать, не раздеваясь. Подтянула колени к подбородку и тихо заскулила.

В моем кармане оставалось всего сто два бакса – слишком мало для того, чтобы протянуть еще хотя бы пару суток. Мне было страшно, меня тошнило, а тело била крупная дрожь. Я валялась на постели, тупо таращась на свой испачканный кроссовок, молча рыдала и пыталась понять, как мне теперь выживать. Что же это за мир такой, где детям приходится жестоко расплачиваться за ошибки взрослых?..

Как жаль, что мой ворчливый дедушка давно умер от старости. Он всегда умел подобрать нужные слова, чтобы вселить в меня веру в собственные силы. Смог бы и сейчас.

Однажды, когда я разнесла в кровь колени, свалившись с детского велика и со слезами на глазах заявила о том, что

больше никогда не сяду за его руль, дедушка произнес одну мудрую вещь. Он сказал, что если бы птенцы отказывались от неба каждый раз, когда им не удастся взмыть ввысь, то птицы уже давно разучились бы летать. А потом добавил, что любой опыт к нам приходит через боль.

И пусть он был ужасным ворчуном, большую часть времени проводившим за своими черно-белыми газетами, я все равно по нему очень скучаю. Я бы отдала все, что у меня есть (*например, свои последние джинсы*), чтобы еще хотя бы один раз его увидеть.

Пусть многие советы дедушки казались мне откровенно странными и даже непонятными, они обладали какой-то магической успокаивающей силой. Как в тот раз, когда я твердо решила стать красавицей, намазав на свое лицо всю мамину косметику, раздобытую из ее бирюзовой косметички. Когда дедушка увидел мой вопиюще-безвкусный макияж и услышал, что именно я собираюсь делать, он молча покачал седой головой, а потом заявил, что я в очередной раз пытаюсь продать пять фунтов за шиллинг. Наверное, это что-то означало, вот только я до сих пор не могла понять, что именно... Грустно, что мы с мамой навещали дедушку в Лондоне так редко...

За окном номера понемногу светало, и вскоре по стеклам потекли подсвечиваемые дневным светом ручьи дождевой воды. Разбушевавшийся ливень, словно насмехаясь надо мной, стремился затопить окрестности дешевого мотеля. И

ему было совершенно наплевать на то, что у меня на ногах надеты единственные кроссовки. Тряпичные.

Повертев свой телефон в руках, я сделала сдавленный вдох и зашвырнула его в мягкую подушку. Мне некому звонить и не у кого просить помощи. Да и если бы хоть одна живая душа узнала о том, где я сейчас нахожусь, меня незамедлительно передали бы органам опеки. От одной этой мысли меня прошиб ледяной озноб. Я лучше умру самой мучительной смертью, чем вернусь в это адское место...

Я провела в постели несколько часов, то погружаясь в тяжелый поверхностный сон, то вновь просыпаясь. Сквозь дрему мне казалось, что из-за смежной стены доносятся странные звуки. Похожие на те, когда голодному псу бросают целый мешок вкусно пахнущего корма, и он жадно принимается им давиться, даже не разжевывая. Бррр...

А потом я поняла, что и сама умираю от голода. Моему телу было безразлично все то, что терзало мой разум. Оно хотело есть.

– Ладно... – я разложила перед собой оставшиеся деньги и задумчиво прикусила нижнюю губу. – Что-нибудь придумаю. Все будет хорошо, Софи!

Для большей убедительности я даже сама себе кивнула. А затем наскоро приняла душ, почистила зубы и включила телевизор.

Спутниковой тарелки в этой дыре ожидаемо не оказалось, так что доисторический телек транслировал всего три кана-

ла – какую-то унылую передачу про религию, частоту с еще более убогими ретро-хитами, и канал для взрослых, с экрана которого громко стонала грудастая блондинка.

– Мерзость... – покраснев, я быстро нажала на кнопку пульта, и телек тут же печально потух. – Как только взрослые могут смотреть это дерьмо?

Поежившись от отвращения, я спрыгнула с постели, набросила на плечи ветровку и шагнула к двери, ведущей на улицу.

Чтобы заглушить панические голоса в моей голове, раз за разом спрашивающие меня о том, что теперь делать и как жить дальше, я включила плеер погромче, и из динамиков наушников тут же полилась знакомая успокаивающая мелодия.

Капюшон сиреневой толстовки помогал прятать лицо от противных холодных капель, но сильно мешал обзору, напозая на глаза. Поэтому, когда в самом низу лестницы я внезапно налетела на чью-то худую фигуру, я даже почти этому не удивилась. Чего нельзя было сказать о прилизанном незнакомце с большим коричневым чемоданом.

Окинув меня надменным взглядом сверху вниз, он демонстративно стряхнул со своего плаща невидимую пылинку, словно брезгуя тем, что я к нему прикоснулась. А затем подхватил за ручку упавший чемодан и молча пошел к лестнице.

– Что ты здесь забыл, мистер Чистюля? – выпалила я, вынув из уха один наушник и провожая его удаляющийся си-

луэт горящими от злости глазами. – Спутал «Королей авто-страды» со своей гребанной виллой?

Я знала, что не должна была вести себя подобным образом. И в другой раз не повела бы. Но немое отвращение, зависшее на красивом лице незнакомца, ранило меня острее, чем любое грязное ругательство.

Молчаливый хейт. Очень актуально.

Я разбита, подавлена, а теперь – еще и унижена. Казалось, что еще одна мелочь, любой пустяк, и моя психика не выдержит. Чтобы вновь не разрыдаться, тем более – на глазах у мерзкого незнакомца, я до крови прикусила нижнюю губу. Держись, Софи! Не время раскисать...

Но он так ничего и не ответил. Лишь мельком скосил на ходу глаза в мою сторону, и на мгновение я встретила взглядом с его черно-желтыми радужками.

А затем он скрылся на лестничном пролете второго этажа, и я вновь осталась одна.

– Да и плевать, – громко произнесла я самой себе. – Плевать на все!

Внутри меня все горело. Мне казалось, что кто-то запустил термоядерную реакцию в недрах моей грудной клетки. Я была так измотана, так испугана и растеряна, что мне внезапно в самом деле стало все равно. Тумблер адекватности в моей голове заклинило, и он с треском сломался.

И я, стащив с себя куртку, швырнула ее прямо в большую лужу, булькающую на обочине асфальтовой тропинки. А за-

тем поглядела вниз – на свои замызганные старые кроссовки.

Ливень хлестал по ним, будто силясь уничтожить их и стереть с лица земли. Грязные капли намертво впитывались в ткань, расплзались бесформенными пятнами. И я решила, что от обуви мне тоже пора избавиться. Поэтому стащила с себя сперва один, а затем второй кроссовок. И бросила их туда же, где безвольно трепыхалась рукавами моя единственная осенняя куртка.

Хотя, почему именно осенняя? Моя единственная куртка *в принципе*.

Чертов мистер Чистюля, одетый с иголки. Такой надменный, такой опрятный и ухоженный. Сомневаюсь, что он стал бы жрать то дерьмо, которое пылится на полках в магазине Саманты. Определенно нет.

Кто я на его фоне? Жалкий отброс общества. Отрыжка человечества. Просто нищая растрепанная девочка из гетто, которая не может купить себе даже новую пару дешевых кед.

Именно в этот момент своей жизни, наверное, впервые за семнадцать лет, я остро ощутила свою убогость. Этот горький привкус во рту, похожий на тот, что остается на языке после плитки дешевого химического шоколада.

Незнакомец в осеннем плаще, подобный солнцу. Все в его реальности вертится вокруг него самого. А я? Я просто Плутон. Жалкий и отверженный, томящийся на задворках вселенной. Даже моя собственная жизнь проносится мимо меня... Ужасно!..

Я заскочила в холл мотеля босиком, тайно радуясь тому, что моя истерика закончилась с наименьшими потерями. К счастью, вспышка гнева, который пробудил во мне мистер Чистюля, все еще не прошла, а потому холодно мне не было.

Схватив с кособокого металлического стеллажа, стоявшего сбоку от стойки регистрации, большую упаковку попкорна и банку колы, я швырнула одутловатому управляющему мелкие купюры и тут же юркнула обратно за дверь. К слову, он даже ничуть не удивился – должно быть, за время работы в этом месте он успел повидать и не такое.

Ливень бил меня по щекам, затекал в нос и рот, мешал мне смотреть вперед, но я не обращала на это никакого внимания.

Ходить по асфальту без обуви оказалось намного проще, чем мне казалось. Мои ноги неслышно ступали по ледяным лужам, легко перепрыгивая через грязные ручейки. И вскоре я снова оказалась в своем номере.

Я не стала принимать душ и даже не пошла в ванную, чтобы смыть подсыхающие капли со своих ступней. С тихим злорадством я хрустела попкорном на кровати, уложив грязные ноги прямо на белую простынь и представляла себе, в каком приступе, должно быть, бился бы мистер Чистюля, узнай он об этом.

– Я еще и в носу иногда ковыряю, знаете ли, – вальяжно произнесла я, воображая, будто вместо выключенного телевизора передо мной маячило ухоженное лицо незнакомца. –

И между пальцами на ногах. Не хотите ли понюхать, мистер Чистюля? У меня много всяких интересных мест, и каждое пахнет по-своему. Ох, кажется, в зубах застряла кукуруза... Мистер Чистюля, можно одолжить у вас ваш гребень, чтобы поковыряться им во рту? Можете забрать себе все, что на нем останется.

Я швырнула в экран телека опустевший пакет из-под попкорна, упала спиной на постель и уставилась в белеющий наверху потолок.

А потом пришел вечер. Одинокий и полный дождя.

Чтобы вновь не впасть в беспросветное уныние, я наконец приняла горячий душ, завернулась в не слишком-то целый махровый халат и включила телевизор. По нему поползли размытые черно-белые полосы – из-за разбушевавшейся грозы экран рябил, и разобрать на нем изображение было невозможно.

– Из полицейского департамента Вашингтона к нам пришло очередное тревожное сообщение, – донесся голос диктора вечерних новостей сквозь натужное шипение. – Молодая женщина по имени Бетси Ходдерс, пропавшая без вести два дня назад, сегодня утром была обнаружена мертвой. Эксперты подозревают, что это преступление может быть связано с похищением Тары Эдмонтон, произошедшим...

– Кому это интересно, – проворчала я, переключая канал. – Мне пока еще не сто пятьдесят лет...

Но остальные два канала сверкали сплошной рябью, и те-

лек пришлось в конце концов выключить.

Полночи я провалялась в постели, раздираемая тревогой и страхом. Мне казалось, что каждый час, отсчитываемый на настенных часах, висящих у входной двери, приближает меня к краю черной пропасти.

Несколько раз я безуспешно пыталась выстроить в своем мозгу оптимальный план для дальнейших действий. Схему, которая позволила бы мне начать свою жизнь заново. И каждый раз я совершенно не понимала, что я могу предпринять, чтобы выкарабкаться из той задницы, в которой я сейчас оказалась.

...Ну конечно, сейчас среди вас найдется тот самый умник, который с пеной у рта примется доказывать, что он бы сумел встать на ноги даже с единственной сотней баксов в своем замызганном кармашке. И что он не только не пропал бы на моем чертовом месте, но еще и смог бы за полтора часа организовать сверхуспешный бизнес, выучить китайский язык и провести своему умирающему дедушке открытую операцию на сердце.

Только чаще всего такие истории не существуют в нашем гребанном мире. И все эти люди, которые с гордостью выпячивают грудь колесом, снисходительно умалчивают о том, что бизнес им подарил щедрый кузен, китайскому они выучились за те пять лет, что торговали дешевыми игрушками на стихийном рынке, а дедушка на самом деле даже не собирался умирать.

В реальной жизни тот, кто остался один на один со своими проблемами, уходит в них с головой и безуспешно дергается в озере дерьма ровно до тех пор, пока кто-нибудь не сжалится над ним и не протянет свою теплую ладонь. *Вот только кому охота мараться?..*

В конечном итоге, измотанная тяжелыми мыслями, я наконец уснула. Но сон не принес мне ни успокоения, ни отдыха.

Мне чудилось, что я вижу, как мама оглушительно кричит, склоняясь над окровавленным телом Тренора. Как по его татуированной коже стремительно расползаются бурые пятна, пропитывая заношенную одежду насквозь. А потом полицейские со злыми лицами хватают маму за руки, надевают на нее наручники и увозят прочь на машине с мигалками.

После этого дремлющий рассудок перебрасывает меня обратно в мой темный номер, и мне кажется, что я вижу, как за залитым ливнем окном маячит чей-то темный силуэт. А приглядевшись, я вдруг ясно различаю во мраке лицо противного незнакомца.

Стоит мне распахнуть отяжелевшие веки, как до моего слуха тут же доносится странный приглушенный звук. Будто кто-то отчаянно давится рвотными позывами или пытается пропихнуть в свою глотку целый свиной окорок. Но я никак не могу сконцентрироваться на этом омерзительном чавканье – усталое сознание снова скатывается в бездну суетли-

вых сновидений, и меня в очередной раз вырубает.

Проснулась я от того, что кто-то настойчиво колотит в мою дверь.

Вскочив с постели, я испуганно шарахнулась к противоположной стене, замерев от ужаса. Что, если меня нашли? Что, если кто-то сдал меня копам (*неужели чертов жирный управляющий?*). Возможно, кто-то из гостей догадался о том, что мне еще нет восемнадцати, и сообщил об этом в участок?..

Я заметалась по спальне будто в сумасшедшем бреду, стараясь найти путь для отступления. Но и единственная дверь, и окно вели в одном и том же направлении – на общую лестничную площадку, где сейчас топтался незваный гость. Вот дерьмо!

И тут вдруг до моего слуха донеслось чье-то неразборчивое бормотание, а затем сильный мужской голос грубо выпалил:

– Открывай уже, Боб! Здесь холодно, твою мать!

– Что вам нужно? – я осторожно приблизилась к двери и выглянула в замочную скважину, но не увидела ровным счетом ничего. – Кто вы такие?

– Боб уже притащил девку, – зашелся хриплым хохотом кто-то за дверью. – Открывай, придурок, мы тоже хотим согреться!

Второй голос согласно заревел. Так, как если бы в задницу носорога попало целое ведро дрови.

Я в нерешительности замерла у двери. Очевидно, эти двое, налакавшись до беспамятства, перепутали дверь номера. Скорее всего, это были дальнобойщики из той большой красной фуры, что была припаркована по другую сторону мотеля «Короли автострады». Я заметила ее, когда сошла с автобуса на остановке неподалеку.

В конце концов, эта дешевая ночлежка предназначалась, по большей мере, именно для уставших в дороге водил грузовиков.

– Разуйте глаза, – сердито прокричала я в скважину. – Вы пытаетесь вломиться в чужой номер!

По ту сторону двери внезапно зависла тишина. А затем один из голосов озадаченно протянул:

– Вот черт, а ведь точно. Гляди, это ж не наши числа!

Они громко захохотали, отпуская какие-то грязные шуточки, а затем наконец убрались прочь. Кретины.

Когда их тяжелые шаги наконец затихли, я облегченно выдохнула и вытерла взмокший от волнения лоб. Если так пойдет и дальше, я скоро сойду с ума.

Быстро одевшись и допив остатки колы, я выбралась на улицу, осторожно оглядываясь по сторонам. За ночь успело похолодать еще больше, и теперь мои стопы больно резал ледяной асфальт. Пока я добежала до холла мотеля, я успела сто раз пожалеть о том, что решила избавиться от своих старых кроссовок. Даже самая отстойная обувь лучше, чем никакая вообще. Особенно, когда за окном сыро и мерзко... Ну

почему здравые мысли всегда посещают мою голову *слишком* поздно?

Я даже бегло огляделась по сторонам в поисках своих размокших кед. Но, конечно же, нигде их не заметила. Ни кроссовок, ни куртки. Просто отлично, Софи!

– Я могу попросить тебя купить мне новую пару обуви? – я с надеждой поглядела в лицо управляющегося, который этим утром показался мне еще толще, чем был вчера. – Пожалуйста!

– Да не вопрос, – кивнул он абсолютно круглой головой. – За пятьдесят баксов я достану тебе что угодно.

– А подешевле никак нельзя? – я судорожно сдвинула в ладони последнюю купюру. – Может, скинешь хотя бы пару баксов? Всего-то нужно дойти до ближайшего супермаркета!

– Нет, – категорично заявил он, облокотившись о стойку и многозначительно поглядывая на мои посиневшие от холода стопы. – На твоём месте я бы не торговался, детка. Если только ты не планируешь откинуться от воспаления лёгких в ближайшие пару дней.

Тяжело вздохнув, я ощутила, как в носу противно защипало. Никогда не выбрасывайте свою одежду, если у вас нет денег на новую – вот чему я буду учить своих детей, если они у меня когда-нибудь будут.

– Ладно, – я протянула ему последнюю сотню. – Тридцать восьмой размер.

Выхватив из моих пальцев купюру, он громко хмыкнул и

отвесил мне шуточный поклон.

– Займусь этим сейчас же. Возвращайся в номер, пока не отморозила себе ноги. Я доставлю тебе кеды напрямиком под дверь.

– Спасибо.

Я выбежала из холла мотеля и понеслась обратно, взмыв по лестнице будто чертова птица. Босые пятки весело хлопали по свежим лужам, только мне весело почему-то не было.

(Барабанная дробь и скупые старческие аплодисменты). Теперь у меня не осталось ни цента. И завтра утром мне уже будет нечем платить за номер. И что дальше?..

Я добежала до своей двери, быстро сунула ключ в замочную скважину и провернула его против часовой стрелки. Тихо щелкнув, замок послушно открылся. И в этот самый момент я внезапно осознала, что я на лестничной клетке не одна.

Машинально повернув голову, я тут же наткнулась взглядом на лицо надменного незнакомца. Мистер Чистюля поспешно закрывал за собой дверь, не обращая на меня ровным счетом никакого внимания. Впрочем, это уже вошло у него в привычку.

Хм. Оказывается, его номер граничит с моим. От этой мысли мое и без того ужасное настроение испортилось окончательно. Что, если он слышал, как я рыдала этой ночью? Гребанные стены в «Королях автострады» сделаны чуть ли

не из картона. Вот дерьмище!..

– Доброе утро, – зачем-то произнесла я, нагло таращась в его темные глаза. – Рада, что ты сумел переночевать в таком паршивом месте и не умереть от отвращения. Как спалось?

Он молча посмотрел на меня, слегка нахмурившись, а затем, не проронив ни слова, пошел прочь, на ходу застегивая свой плащ одной рукой. Во второй он держал коричневый чемодан, который я заметила еще вчера. И спустя несколько секунд рядом со мной остался только терпкий запах его одеколona. До чего жуткий сноб (*и кто вообще в две тысячи тринадцатом юзает одеколон вместо туалетной воды?*).

Не знаю почему, но в памяти внезапно само собой воскресло одно из самых ярких воспоминаний в моей жизни. Как я впервые влюбилась, заметив симпатичного мальчика в синем жилете на пороге младшей школы. Это была та самая чертова любовь с первого взгляда, в которую почти никто из взрослых не верит. Но знаете что? Если у вас этого никогда не было – это ваши сраные проблемы. У меня было. И по ощущениям это так же ужасно, как внезапно провалиться под лед, уйдя с головой в холодную воду.

Не хватает воздуха, ты задыхаешься, а сердце колотится в груди так громко, будто кто-то бьет в гигантский барабан прямо у тебя под носом. *БУМ. БУМ. БУМ.* А потом твой чертов пульс начинает теряться каждый раз, когда поблизости всплывают знакомые глаза.

Я так разнервничалась в тот раз, что просто стояла и пя-

лилась на мальчика в синем жилете издалека, пока он этого не заметил. А когда он, улыбнувшись, сказал мне «Привет», я не нашла ничего лучше, чем разреветься и броситься прочь. Тогда мне было около шести.

И почему-то сейчас, стоя босиком у распахнутой двери в свой номер (из которого меня завтра вышвырнут) и жадно вдыхая ноздрями незнакомый аромат незнакомого мужчины, мое сердце предательски сделало *БУМ*. А затем еще раз. И еще...

Захлопнув за собой дверь, я ринулась в ванную и простояла под ледяными струями душа до тех пор, пока кто-то настойчиво не постучал в занавешенное окно спальни.

– Твои кроссовки, детка, – без каких-либо эмоций пробубнил управляющий мотеля, сунув мне в руки бумажный пакет. – Обращайся, если понадобится что-то еще.

Грузно повернувшись, он поспешил прочь, не дожидаясь ответа.

Если бы он только знал, что у меня в кармане больше нет ни цента. Единственное, о чем я теперь могу его попросить – это дать мне возможность досидеть в номере до полудня. Потому что я не имею ни малейшего понятия о том, куда мне идти после того, как срок аренды комнаты истечет. И это пугало больше всего.

Я села на край постели, включила телек, чтобы было не так одиноко, вытряхнула из пакета новую пару кроссовок и грустно вздохнула. Они выглядели еще хуже, чем те, что я

зашвырнула в лужу. Очевидно, толстяк не слишком утруждал себя поисками, схватив с прилавка первую попавшуюся пару по самой низкой цене.

В местах, где резиновая подошва сходилась с заменителем кожи, остро пахнувшим краской, торчали грубые ошметки клея. Создавалось впечатление, что эти кроссовки отшивали наощупь в полной темноте.

Но, во всяком случае, я теперь могла выбраться из мотеля, не рискуя утонуть босыми ногами в ледяных лужах. А еще эти кроссовки оказались практически того же цвета, что и моя любимая мягкая толстовка. Нежный оттенок сиреневых фиалок. И это было не так уж плохо, если подумать.

– Новая жизнь Софи, – громко заявила я пустой комнате, разглядывая в зеркале свои обутые ноги. – Начинается с новой пары обуви!.. Что ж, надеюсь, что она не будет такой же жуткой и пахнущей, как эти китайские кроссы.

Топчась у зеркала, я краем уха уловила, как из динамиков телека в дешевый номер вновь полились криминальные сводки. Опять эта тягомотина.

– ...Теперь у полицейского департамента появились очевидные доказательства. В прессе активно муссируются слухи о том, что на территории штата объявился серийный убийца. Власти призывают...

– Власти призывают нас всех катиться к чертовой матери, – вырубив звук, я стащила с себя новые кроссы и тяжело вздохнула.

Меня не покидали мысли о маме. Неужели в этот раз она действительно не вернется? Она говорила, что Тревор мертв, а полисмен, который попытался их задержать, ранен. Это означает, что ее дела в самом деле очень плохи. А если учесть, что это – далеко не первая ее судимость...

Я снова вздохнула. А затем рухнула на смятую постель с темными следами, оставшимися после моих босоногих прогулок под дождем.

Раньше Тревор всегда брал вину на себя. А если не он – то кто-нибудь другой из его банды. Это давало маме возможность отделяться условными сроками, а мне – избегать неприятностей с органами опеки. Но сейчас Тревор мертв (*боже мой, неужели все это происходит на самом деле?*). И, наверное, больше никто не станет заботиться о том, чтобы мама поскорее вернулась домой. Ко мне...

Ближе к ночи мне ужасно захотелось есть. Но денег не было, и пришлось залить в желудок холодный кофе, который предлагали в холле мотеля бесплатно (ну, *хоть что-то хорошее*). А затем я схватила еще один стаканчик, вышла наружу и обогнула здание ночлежки, вынырнув на вечернюю трассу.

Прихлебывая несладкий кофе, я тащилась вдоль оранжевых фонарей, слушая плеер и вдыхая запах приближающейся осени. К моей радости, этим вечером на улицах было не так уж и холодно, так что я вполне могла обойтись без своей утраченной ветровки.

Эта прогулка должна была помочь мне собраться с мыслями и решить наконец, что я собираюсь делать дальше. Оттягивать эти безрадостные размышления было бессмысленно – утром меня выставят на улицу, и после этого пойти мне будет решительно некуда. Я должна была придумать сносный план. Прямо здесь. Сейчас.

Но все пошло как-то не так.

Сначала я запоздало обратила внимание на то, что из припаркованной на обочине фуры на меня пристально глазееет какой-то грязный мужик. Грязный в буквальном смысле – даже в свете фонарей я могла отчетливо разглядеть большие масляные пятна на его белой футболке. Она противно облегла его надутый живот, слегка задираясь кверху и оголяя темную дорожку густой шерсти, исчезающей где-то под резинкой его спортивных штанов. *Фу-у-у!*

Очевидно, грязный водила что-то выкрикивал, обращаясь ко мне. Во всяком случае, было логично это предположить – его большой рот широко раскрывался, а сощуренные глаза продолжали буравить мое лицо. Но мне было на это наплевать. Сделав музыку в наушниках погромче, я равнодушно прошла мимо, завернула обратно к лестничному пролету мотеля и взобралась на второй этаж, с тоской поглядывая на пасмурное ночное небо. Гребаный сентябрь...

Я слишком поздно осознала, что позади меня кто-то есть – громкий трек, пульсировавший в моих ушах, надежно прятал от меня все звуки внешнего мира.

Я уже почти добралась до двери, ведущей в мой номер, когда чья-то тяжелая и грубая рука легла на мою спину. А затем этот *кто-то* невежливо толкнул меня под лопатки, и я едва не впечаталась носом в дверной откос, в последнюю секунду выставив обе ладони вперед.

От резкого толчка из правого уха выпал наушник, и я тут же услышала сиплый мужской хохот.

– Куда ты так спешишь, малышка, – произнес водила в той самой грязной белой футболке. – Нужно почтительнее относиться к старшим!

Он мерзко оскалился, оголив свои желтые зубы.

Прижавшись спиной к запертой двери своего номера, я мысленно молилась о том, чтобы все это закончилось мирно и спокойно, хотя нутром осознавала, что умудрилась вляпаться в переделку.

– Ты меня с кем-то путаешь, – холодно ответила я, стараясь скрыть нарастающее волнение.

Грязный мужик, коротко хмыкнув, уставился в мое лицо. Только в этот момент я поняла, что он едва стоял на ногах. От него за милю разило дешевым пойлом, и от этого жуткого запаха меня начало подташнивать.

В этот момент мне стало по-настоящему страшно.

– Идем со мной, – залихватски подмигнул он, очевидно, в самом деле наивно полагая, будто я соглашусь на его предложение. – Я угощу тебя ужином, малышка. А потом покажу тебе кое-что интересное.

Он снова подмигнул мне, после чего зашелся в новом приступе сиплого хохота.

Все это время, внимательно наблюдая за его лоснящейся рожей, я отчаянно пыталась попасть ключом в замочную скважину. Каждой клеткой бешено колотящегося сердца я надеялась на то, что смогу успеть проскользнуть в открытую дверь, а затем быстро захлопну ее за собой, оставив пьяного водителя ни с чем.

Но от неприятного волнения мои руки так сильно дрожали, что ключ постоянно соскальзывал. Дерьмо!

– Я никуда с тобой не пойду. Скоро вернется мой отец.

Чтобы убедительно врать перед лицом опасности, нужно иметь определенные навыки. Разумеется, у меня их не было. Несмотря на то, что я много лет провела в самых низах общества, барахтаясь то в черном гетто, то в хижине для малоимущих, я никогда не контактировала с животными вроде этого водителя. Я вообще всегда предпочитала держаться особняком.

– Зачем ты выдумываешь, малышка? – облизнув пересохшие губы, просипел мерзкий незнакомец. – Мы ведь оба прекрасно знаем, зачем ты здесь. Я предлагаю тебе легкие деньги, а взамен прошу немного твоей любви.

Резко вытянув вперед огромную ручищу, он схватил меня за грудь через тонкую ткань сиреневой олимпийки, больно сдавив мою нежную кожу. Вскрикнув, я отшатнулась назад. А затем инстинктивно хлестнула его наотмашь пальцами по

щеке.

– Ах ты маленькая дрянь... – водила схватился за покрасневшую щеку и злобно уставился в мое лицо. – Сейчас ты за это заплатишь!

Я видела, как за его спиной возникла знакомая фигура в осеннем плаще. Как она спокойно скользнула мимо, даже не замедлив шага, когда на пути встал толстый водитель фуры.

Уставившись на мистера Чистюлю, я мысленно умоляла его прийти мне на помощь. Я таращилась в его бледное, красивое лицо, похожее на фарфоровое изваяние, и видела, как переливаются в свете настенного светильника его жемчужно-пепельные волосы. Как по его четко очерченным губам скользят ночные тени, плавно съезжая на гладко выбритые щеки. Как он сжимает белыми пальцами ручку коричневого чемодана.

Но он не остановился. И даже не взглянул в мою сторону. Просто равнодушно прошел мимо, брезгливо убрав плечо в сторону, когда был вынужден обогнуть пьяного водилу, преградившего своим животом узкую площадку коридора.

А затем он подошел к соседней двери, вставил ключ в замочную скважину и потянул ручку вниз.

– Пап, – завопила я от безысходности. – Можно я побуду у тебя? Кажется, в моей спальне сломался телек!

Но мистер Чистюля не собирался мне подыгрывать. Ему было наплевать. Слегка повернув голову в мою сторону, он быстро скользнул по моему лицу своими черными глазами,

затем толкнул входную дверь и молча скрылся в соседнем номере.

...Прежде я никогда не задумывалась о том, насколько страшно быть изнасилованной. Так тупо, так грубо и так унижительно. Какой липкий ужас сковывает твоё тело, когда чужие грязные ладони проникают под твою любимую толстовку, жадно скользя по обнажённому телу.

Когда его пальцы нашарили под плюшевой тканью цвета весенней сирени мои соски, я снова громко вскрикнула, попытавшись вырваться. Но жесткая мужская хватка не давала сделать даже вдоха.

Я почти не видела его уродливого лица – мои глаза застилала слезы ярости и бессилия.

Толкнув меня на смятую постель, он тут же навалился сверху, до боли вдавив в позвоночник все мои внутренности. Из его рта несло чем-то несвежим, едким и отвратительным.

Ощущая, как к горлу подкатывает новая блевотная волна, я зажмурилась изо всех сил. Мои пальцы пытались нащупать лицо грязного ублюдка, чтобы впиться в его пьяные глаза, но каждый раз он ловко перехватывал мои запястья, больно выкручивая руки.

Когда к моему оголенному животу прикоснулось что-то твердое, горячее и скользкое, я истошно завизжала из последних сил. Но мой крик быстро прервался – жесткая мужская ладонь легла на мои губы, намертво придавив их к передним зубам. И я почувствовала, как на языке появился со-

ленный привкус крови.

Но затем мне выпал шанс – должно быть, уже самый последний. Грязный водила никак не мог справиться с моими узкими джинсами – они просто отказывались сползать с моих бедер, туго обхватывая их со всех сторон.

Тяжело дыша, он силился просунуть свою толстую ладонь в мою расстегнутую ширинку, но для такого унижительного маневра свободного места внутри джинсов оставалось слишком мало.

Резко выпрямив ногу, мне удалось попасть коленом во что-то тяжелое и мягкое, и я наконец ощутила, что железная хватка насильника заметно ослабела.

Вскочив на ноги, я рванула к входной двери, едва не запнувшись на пороге – перед глазами все еще плыли фиолетовые круги, а веки уже успели распухнуть от рыданий.

Скатившись с лестницы кубарем и больно ударившись ребрами о нижнюю ступеньку, я пустилась бежать, не разбирая дороги. Мои ноги несли меня в темноту осеннего шоссе, и в это мгновение мне казалось, что я не бегу, а лечу над мокрым асфальтом.

Растущие на обочине деревья, уличные фонари, припаркованные автомобили – все смазалось в одно невнятное пятно. В ушах настойчиво стучало перепуганное сердце.

И тут случилось настоящее чудо. Во всей этой мазне, мелькавшей перед моими глазами, я внезапно очень четко разобрала знакомый силуэт. Силуэт мужчины в плаще, кото-

рый захлопнул крышку багажника, опустив внутрь чемодан, а затем проворно нырнул внутрь вишневой машины.

Мрак пустой трассы разрезало два ослепительных желтых луча. И я поняла, что еще всего несколько секунд, и он навсегда канет в темноту, оставив после себя лишь едва различимый аромат мужского одеколona.

Почти не понимая, что я делаю, я с силой оттолкнулась от мокрого асфальта, и время вокруг меня внезапно замедлилось. Будто откуда-то издали, из глубин параллельного мира, донесся жалобный хруст моих новых кроссовок.

Я видела, как позади меня, громко выкрикивая проклятия, смешно зависает в нелепой позе мой преследователь. Как его согнутая ступня замирает в нескольких миллиметрах над лентой шоссе, так и не касаясь ее поверхности.

Как светловолосый мужчина, обхватив обшивку руля своими тонкими пальцами, застывает на месте, вытянув правую руку с зажатými в ней ключами. Как свет, льющийся из фар его авто, бежит вперед отдельными фрагментами, будто кто-то распылил в воздух миллиард светящихся брызг.

Но все это длилось лишь одно мимолетное мгновение. Потому что уже в следующую секунду вишневая машина внезапно тронулась с места. И я, перестав дышать, вытянула к ней свою ладонь в последнем предсмертном рывке.

И тут мои дрожащие пальцы обхватили рычаг, открывающий переднюю дверцу. Еще сотая доля мгновения – и я пулей влетаю на пустующее соседнее сидение, чудом не сло-

мав себе ни единой кости. Машинально захопываю за собой дверь и, тяжело дыша, кричу прямо в красивое лицо незнакомца:

– Жми на газ! Прошу тебя!.. Скорее же!

Он молча смотрит в мои глаза, и я лишь могу тайно молиться о том, чтобы ему хватило воспитанности не вышвырнуть меня обратно.

Я слышу, как хриплые вскрики разъяренного водилы становятся все ближе. И осознаю, что если мистер Чистюля не тронется с места прямо сейчас, то уже ничто больше не спасет меня.

– Пожалуйста... – я громко рыдаю, хватая его за плечи. – Помоги мне!

Но он продолжает смотреть в мое лицо, даже не думая сдвигаться с места. Кажется, что каждая секунда тянется невыносимо долго. Так долго, сколько не длится даже целая вечность.

И наконец он отводит свои черные глаза в сторону – туда, где раздаются грязные ругательства. словно оценивающе окидывает приближающегося к авто водилу взглядом с головы до ног. И я с неммым ужасом осознаю тот факт, что в это самое мгновение незнакомец размышляет о том, как ему стоит со мной поступить.

Проходит еще одна бесконечная секунда, и его блестящие глаза снова упираются в мое заплаканное лицо. И тут он резко дергает плечами, отчего мои похолодевшие ладони легко

соскальзывают вниз.

«О боже, он сейчас вышвырнет меня... Он не собирается трогаться с места...» – проносится острая до боли мысль внутри моей головы, и лицо гребанного незнакомца тут же окончательно смазывается за пеленой соленой воды.

С трудом набирая в легкие новую порцию воздуха, насквозь пропахшего его одеколоном, я послушно хватаюсь за ручку дверцы, наощупь нашаривая ее дрожащими пальцами.

Плевать. Пусть моя жизнь оборвется прямо здесь и прямо сейчас. В конце концов, кому вообще нужна такая жизнь? Мне все равно некуда идти. И даже не за чем это делать. Может быть, мое время уже пришло.

Но прежде, чем я успеваю толкнуть дверь и вывалиться наружу, вишневое авто резко дергается вперед, и меня бросает ушибленными ребрами о жесткую спинку переднего сидения.

– Закрой дверь, – произносит холодный отрывистый голос, и я впервые слышу, как он говорит.

Ну надо же!.. Оказывается, мистер Чистюля не глухонемой.

Глава 3. Кровь и ветер

Не уверена в том, что вам понравится Нил Морган, но познакомиться с ним придется в любом случае. Дело в том, что этот человек – один из центральных персонажей всей этой мутной истории. Так что без него никак не обойтись. Даже если вам в какой-то момент покажется иначе.

Итак, Нил Морган. Человек неопределенного возраста с неопределенной внешностью. Вот он, прямо перед вами. Стоит у зеркала в ванной, выбривая свой острый подбородок. На вид ему от тридцати до пятидесяти (*я пока еще в том самом наивном периоде жизни, когда определить точный возраст взрослого мужика по его виду просто нереально*).

У Моргана темные волосы с заметной сединой, отливающей свинцом. И узкие глаза непонятного цвета – то ли болотного, то ли темно-зеленого. Узнать их цвет не легче, чем определиться с его возрастом, потому что тяжелые нависшие веки отбрасывают на радужку сильную тень. Поэтому взгляд Нила Моргана всегда кажется угрюмым.

Он живет на окраине одного из простых рабочих кварталов. Того, что граничит с промышленным районом. Вот почему ночной западный ветер здесь всегда пахнет женой резиной – все дело в заводе, выпускающем в небо едкий черный дым. Квартиры здесь на порядок дешевле, чем в централь-

ной части города. И это ему подходит, ведь Морган из той категории людей, которые всегда живут в дерьме. Даже если нормально зарабатывают.

Нилу Моргану не нужно ничего. Ни большой светлой ванны с окном, ни нового авто. Ни хорошей медицинской страховки, ни нормальной еды. Ему вообще на все плевать. Даже на себя.

Такие, как он – настоящая головная боль современной Америки. Ведь он ничего не покупает, не берет кредитов и не сливает деньги на дорогие товары, которые активно пропихивают в массы с каждого билборда на пыльной улице.

На самом деле, деньги у него есть, ведь агенты ФБР получают не так уж мало. Просто он предпочитает их не тратить.

Да, Нил Морган – агент ФБР. Самый странный и нетипичный из всех, которые только существуют на этой планете. Хотя бы потому, что местные копы, еще не знакомые с его неординарной личностью, зачастую принимают его за бомжа, оттирающегося на месте преступления. Однажды патрульные, оцепившие периметр, даже попытались его прогнать.

В отличие от мистера Чистюли, Моргана нельзя назвать красивым. Или хотя бы привлекательным. Возможно, найдется пара-тройка старых отчаявшихся теток, которым бы «зашел» и он. Но обычно женщины стараются держаться от него подальше. Вряд ли кого-то способен привлечь мутный неопрятный мужик в засаленном пальто. Особенно ес-

ли принять во внимание тот факт, что чаще всего от Моргана еще и заметно попахивает. У него гастрит. Что совсем не удивляет, если заглянуть в недра его помятого холодильника времен палеозоя.

Чаще всего на его полках валяются смятые пакеты с кошмарной жратвой из близлежащего супермаркета, недоеденные бургеры с истекшим сроком годности (*которые он позже обязательно доест*) и вздувшиеся банки с консервированными супами, которые и в свежем виде вызывают у нормальных людей рвотный рефлекс. Даже в лавке у Саманты продукты выглядят лучше.

В свободные от работы вечера Морган торчит в своем клоповнике, гордо именующемся апартаментами. У него всего одна спальня, да и та таращится крошечным окном в серую стену соседнего здания. Вся кухня Моргана (*она же – гостиная, рабочий кабинет и столовая*) выкрашена в серо-зеленый цвет, напоминающий оттенок болотной тины. Поэтому в квартире всегда темно и неуютно.

В левом углу кухни-гостиной-столовой стоит небольшой, сильно просевший диван. Именно в нем Морган проводит большую часть свободного времени. А по ночам, когда он не может уснуть, он усаживается сюда с банкой пива и включает на телеке, висящем на противоположной стене, дешевую порнуху со школьницами.

Моргану нравится смотреть на маленькие женские сиськи. Острые и вздернутые, они завораживают его своими неж-

но-розовыми сосками. Но он настолько ленив и апатичен, что даже не пытается запустить грубую ладонь внутрь застиранных семейных плавок. Просто тупо таращится в экран телека, на котором резвятся развратные юные девки. *Не жизнь, а отстой...*

За смежной стеной, в соседней квартире, живет молодая мамаша с пятилетним сыном. Раньше она была шлюхой и каждую ночь отиралась на улицах. Но потом забеременела и внезапно решила начать жизнь с чистого листа. Так себе попытка, если честно. Теперь она работает на кассе одного из местных супермаркетов. В ночную смену. Иногда, когда Морган возвращается с работы гораздо позже обычного, он сталкивается с ней на узкой лестничной клетке. От нее всегда пахнет удушающей туалетной водой, напоминающей ароматические таблетки для унитаза.

Ее маленький сын, молчаливый тощий очкарик, недавно пошел в начальную школу. И, судя по тому, что он нередко возвращается домой в синяках и ссадинах, он там не слишком-то прижился.

По пятницам молодая мамаша отвозит куда-то своего пацана на автобусе, а затем возвращается в квартиру одна. И до самого понедельника из-за смежной стены доносятся ее хриплые стоны, перемежающиеся с призывами «*трахнуть поглубже*» или «*кончить прямо в рот*». Вот почему Нил Морган ненавидит уикэнды.

Набив перед выходными желудок всякой дрянью (*чаще*

всего он съедает по пятницам две упаковки острой китайской лапши), Морган безвылазно торчит на унитазе, борясь с очередным обострением гастрита. И слышит каждый шорох, доносящийся до него сквозь большую решетку вентиляции. Он даже научился определять, когда молодая мамаша собирается кончать – обычно перед этим она резко затихает, а затем начинает сипло кричать. А спустя несколько минут чертовы соседи принимаются курить прямо в постели – сортир Моргана чуть ли не до потолка заполняется сигаретным дымом.

К утру понедельника его желудок понемногу оживает, и стартует очередная рабочая неделя, сопровождающаяся рассматриванием изнасилованных трупов, длинными скучными отчетами и одинокими вечерами в кухне-гостиной-столовой.

Сегодня утро среды. Так что Морган, выбрив свое лицо, бросает грязное лезвие прямо в раковину, после чего выключает в ванной свет и выходит в узкий коридор. Здесь стоит единственный во всей квартире шкаф. Это двухдверный пенал с темно-коричневыми дверцами, сильно затертыми на углах. Внутри почти ничего нет – только рабочий костюм, две пары сменных рубашек, осенняя куртка цвета верблюжьей шерсти, теплое пальто, зимние ботинки и всепогодные туфли из черной кожи – настолько заношенные, что их стельки успели стать тоньше раза в два. Остальное тряпье Морган хранит в бельевом комодe, стоящем у изголовья кровати.

В отличие от мистера Чистюли, агент ФБР не пахнет до-

рогим мужским одеколоном. От него несет химчисткой, дешевой пеной для бритья и чем-то кислым. Скорее всего, тем кошмарным томатным супом из жестяной банки, который он разогревал себе на завтрак в микроволновке.

Закрыв за собой входную дверь и на всякий случай подергав ручку (*будто кто-то в самом деле посягнет на эту жалкую конуру*), он заходит в обветшалый лифт, адски скрипящий металлическими створками. Какой-то кретин выковырял из приборной панели кнопку с цифрой «1», так что доехать на нижний этаж теперь можно лишь следующим образом: выставить вперед расправленный мизинец, затем с трудом просунуть его в узкое отверстие, где раньше была кнопка, изо всех сил ткнуть кончиком пальца (или длинным ногтем, если он есть), в защелку, и тихо помолиться о том, чтобы в этот раз все сработало как надо.

Если все пройдет успешно, после этого маневра дверцы лифта захлопнутся перед носом Моргана с оглушительным лязгом, и, жалобно заскрипев, кабина поползет вниз. Если ничего не выйдет, придется выбираться обратно на этаж и топтать вниз по лестнице.

В любом случае, оба пути имели свои весомые недостатки. В кабине лифта регулярно подмачивала пол чья-то собака, а потому в ней круглый год противно пахло застоявшейся мочой. А иногда (*особенно, в грозу или в зимнюю метель*) в кабине внезапно начинала мигать единственная лампочка, грозя отрубиться в любой момент.

С лестничным пролетом дела обстояли немного лучше. Клетку со ступенями соорудили в боковой части здания, и на каждом этаже здесь имелось большое окно с видом на аллею. Иногда Нил Морган даже находил время для того, чтобы постоять между этажами и поглазеть на переулок, мельтешивший внизу. Поздними вечерами, когда убогий квартал засыпал, и аллея, утыкавшаяся извилистым носом в переулок, озарялась оранжевыми пятнами фонарей, здесь было почти что красиво. Поэтому временами Морган нарочно выбирал именно этот путь. Чтобы, бездумно уставившись в открытое окно, выкурить пару хороших сигарет (хотя обычно он не курил и предпочитал не вдыхать табачный дым).

Но, как я уже упоминала раньше, и у этого пути были свои недочеты. Например, отирающиеся на лестничной клетке подростки. Они нередко шатались здесь, подпирая углы и лакая пиво из банок, пока их родки гнули спины на работе. Морган терпеть не мог подростков. По его мнению, даже обоссанный собаками лифт был куда лучше, чем стайка прыщавых парней в широких штанах. Или густо размалеванных полуголых девиц, делающих селфи на фоне ободранных подъездных стен цвета вываренного шпината. Агенту ФБР нравились упругие сиськи малолетних школьниц. Вот только глазеть на них он предпочитал не в реале, а с экрана своего телека.

Утром четвертого сентября, в эту ветренную и дождливую среду, удача оказалась на стороне Моргана. И лифт, немно-

го подергавшись и поскрипев тросом, все же послушно захлопнул свои исписанные маркерами дверцы. Перед темными глазами Нила тут же возникла знакомая надпись «*Я трахаю в рот Анну Гиленхалл*», успевшая обрасти новыми приписками и сносками. В частности, строчка сбоку, для убедительности подведенная ярко-красным фломастером, убеждала в том, что кто-то активно сношает самого автора надписи. Хотя больше остальных в глаза въедалась салатовая мазня «*А есть кто-то, кто этого не делал?*».

Морган знал Анну Гиленхалл. Два года назад ей было около пятнадцати, и она жила в квартире этажом выше. Кажется, вместе со своим отцом и старшим братом. У Анны были огромные наливные груди (*поэтому она не слишком нравилась Моргану*) и смазливое личико. Такое наивно-детское, с узким острым подбородком и большими голубыми глазами. Пока она жила здесь, в подъезде регулярно отирались толпы старшеклассников, день и ночь карауливших златокудрую красотку у двери.

Но потом старший брат Анны Гиленхалл в очередной раз оказался за решеткой, и девушка вместе с отцом покинула этот многоэтажный клоповник. Морган понятия не имел о том, куда именно они перебрались и как сложилась дальнейшая жизнь Анны. Да он и не задавался этим вопросом. Все, что осталось от нее здесь – это грязные надписи в лифте. И больше ничего.

Кособокие дома с дешевыми апартаментами, как низко-

пробные шлюхи. Готовы приютить тебя и впускать в свои недра так долго, как только ты готов за них платить. Но стоит тебе исчезнуть, и о тебе больше никто не вспомнит. Переехать – это то же самое, что превратиться в невидимку. Во всяком случае, в том месте, откуда ты сбежал...

Осень в квартале Нила Моргана – это всегда дико уныло и по-настоящему депрессивно. Это не те теплые дни под пледиком в окружении любимых книг, как бывает у нормальных людей. И не долгие прогулки по парку, когда под ногами шуршат опавшие желтые листья, а в ладони дымится стаканчик со сливочным кофе. Осень здесь – это серо, холодно, очень тоскливо и до невозможности одиноко.

Одиноко настолько, что люди высовываются из своих грязных комнатушек в распахнутые настежь окна, чтобы вдохнуть немного ветра, насквозь пропахшего мокрым асфальтом. В слепой надежде, что это поможет прогнать их тяжелые мысли прочь. И остаются в своих окнах до самой ночи. Просто пялятся часами из ниоткуда в никуда. Как застывшие изваяния из костей, кожи и дерьма, из которых неожиданно улетучилось человеческое сознание. Это жутко.

А самое жуткое в этом то, что так делает и сам Морган. Когда поднимается по бетонным ступеням поздними вечерами. Стоит и таращится в окно, молча вдыхая сигаретный дым, который он ненавидит. *Что именно взрослые пытаются рассмотреть в ночном мраке из своих квартир?..*

Но этим утром агент ФБР куда не смотрит, потому что

спешит. Так что он выскакивает из подъезда и сразу же ныряет в свое доисторическое авто. Усаживается в водительское кресло, расправляет смятый подол обветшалого пальто с засаленными рукавами, и заводит мотор.

В салоне темно-серой машины пахнет пылью. И отсыревшими газетами, которыми Морган под завязку набил бардачок.

Он никогда их не читает, просто их раздают каждую неделю бесплатно. Тонкая рекламная газетенка с частными объявлениями. Хотите продать щенка, найти сантехника подешевле или снести старый сарай возле своего дома? Тогда она вам точно пригодится. Ну, или если вам сорок семь, а вы до сих пор не встретили любовь всей своей жизни. Такие объявления там тоже есть.

– Доброе утро, Морган, – проносится в динамике сотового бодрый мужской голос, как только агент набирает знакомый номер. – Вы получили мое сообщение?

– Прочел его только что, – гудит в ответ Нил. – Ты уже на месте?

Майкл Коледос – молодой напарник Моргана. И, как нередко кажется агенту ФБР, чересчур жизнерадостный. Майкл слишком громко говорит, слишком громко жует пончики и, что самое кошмарное, умудряется даже слишком громко *дышать*.

В общем, Морган совсем не в восторге от своего напарника. Хотя вряд ли этот человек когда-нибудь испытывал чув-

ство восторга в принципе. Поэтому, наверное, для него это – обыкновенное состояние. Быть не в восторге.

– Да, – громко отвечает молодой голос. – Я попридержал полицейских, так что мы все ждем вашего приезда, Морган.

– Ты уже осматривал тело?

Нил сворачивает на перекрестке направо, притормаживая на светофоре и не без раздражения пропуская на пешеходном переходе полностью седую старушку.

Ах, да... Я совсем забыла упомянуть о том, что больше всего на свете Нил Морган ненавидит не только тинейджеров, но еще и стариков. Потому что и те, и другие постоянно бестолково снуют по улицам и путаются под ногами.

Когда мимо пронеслась незажженная вывеска «Пончиков Джека», еще не успевших открыться в такую рань, он наконец надавил на педаль газа и влетел на широкую полосу автострады.

– Я осмотрел труп, но ничего не трогал, как вы и велели, – с ноткой явного самодовольства произносит напарник. – Хорошо, что этим утром я решил не завтракать. Тело выглядит просто отвратительно.

– Труп и должен выглядеть отвратительно, Коледос, – слегка раздраженно отвечает Морган. – Ты ведь не на детский утренник приехал.

Темно-серое авто агента ФБР уверенно покидает рабочий квартал, а затем движется в направлении старых складов, расположенных за городом.

Из сообщения своего напарника он знает о том, что на окраине одного из промышленных районов ранним утром было обнаружено тело молодой женщины. Останки нашел кто-то из местных подростков, околавивавшихся неподалеку.

Морган отлично представлял себе эту картину. Скорее всего, малолетний кретин в очередной раз сбежал из дома и прятался среди полуразвалившихся ангаров, покуривая травку. Или собирался закинуться колесами. Однако его безмятежное времяпрепровождение нагло прервал окровавленный труп, брошенный у одного из складов.

Морган не ошибся – стоило ему припарковать свою тачку у желто-черной ленты, отрезавшей путь к месту преступления, где смиренно дожидалось своего часа мертвое женское тело, как он тут же наткнулся глазами на перепуганное лицо старшеклассника. Смуглый парень в черной спортивной куртке с нашивками на локтях и неумелыми татуировками на сгибах пальцев нервно теребил эти самые пальцы, в очередной раз пересказывая свою историю какому-то пухлому копу в зимней фуражке.

Но неудачливый подросток, обнаруживший труп, сейчас крайне мало интересовал Нила Моргана. Сначала ему нужно осмотреть останки и место, где они были обнаружены. Затем – собрать все имеющиеся улики. Хорошо, если ему удастся сразу же наскрести отпечатки пальцев. Хуже, если нет. Однако чемоданчик с реагентами, заботливо припасен-

ный для таких случаев, все равно существенно повысит шансы ФБР на счастливый исход дела. Счастливый для Бюро, разумеется. Для изнасилованной и убитой жертвы никакого счастья на этой планете не уготовано.

Совершить такое дерзкое преступление в две тысячи тринадцатом году и уйти, не оставив после себя ни единой зацепки – почти невозможно. Для этого нужно быть, по меньшей мере, настоящим гением.

В эпоху технического прогресса, когда камеры видеонаблюдения натканы даже в общественных сортирах самых бедных кварталов, шанс остаться незамеченным сводится к нулю. Вот почему в текущей эре нет ни одного серийного маньяка.

Морган отлично знает о том, что большая часть преступников – настоящие имбецилы. Так показывает практика. Можно было потрошить шлюх направо-налево два или три века назад, когда люди испражнялись в канавы и подтирались сушеными листьями лопуха. Чтобы обойти современных криминалистов, преступнику придется превзойти самого Эйнштейна. В противном случае, потенциальный серийный маньяк будет схвачен и с позором свернут в кожаный рулон уже после первого же убийства. Редкость, когда дегенерату удастся замести следы и спланировать второе покушение. А до третьего не добирается уже никто. Не хватает ни интеллекта, ни прозорливости.

Вот почему термин «серийный убийца» в офисе Морга-

на явление такое же редкое, как шаровая молния и гипноз, оставшиеся где-то в тупоголовых девяностых. Чтобы заполнить клеймо «серийный» и попасть на первые полосы газет, до смерти пугая впечатлительных пенсионерок, необходимо, как минимум, не попасться в лапы копов после первого же преступления. Но весь замес в том, что на кровавые преступления людей обычно толкает не интеллект, а его полное отсутствие.

Поэтому мы возвращаемся к тому же, с чего начали это лирическое отступление. После две тысячи пятого года в мире просто не появляется настоящих серийных маньяков. Их отлавливают сразу же, подбираясь к ним из-за спины по горячим следам и хватая за обделавшиеся задницы. И сажают в камеру строгого режима, обрубая все дальнейшие попытки разжиться пометкой «серийный».

Это конец эпохи маньяков. Занавес для всех, кто совершил больше одного убийства. Потому что скрыться после первого преступления еще как-нибудь возможно. После второго аналогичного – уже нет. Люди всегда совершают массу непростительных ошибок, даже если пытаются тщательно спланировать свое кровавое деяние. Либо ты настоящий гений, решивший слить весь свой потенциал на игру в догонялки с ФБР вместо того, чтобы грести миллиарды, выдумывая невероятные научные проекты. Либо смазываешь соплю на сизые стены камеры, прихлебывая гороховый суп в тюремной столовой. *Третьего не дано.*

– М-да... – Морган склоняется над растерзанным трупом и задумчиво поглаживает свой выбритый подбородок. – Ты был прав, Коледос.

– Я сразу понял, что это дело имеет прямое отношение к Бетси Ходдерс, – важно сообщает молодой напарник, едва не лопаясь от распирающей его гордости. – И готов поспорить, что перед нами никто иная, как Тара Эдмонтон. Жаль, что лицо так сильно изуродовано.

Майкл Коледос удрученно качает головой, будто осуждая за это голый труп, лежащий внизу в луже собственной крови.

Морган хорошо знает таких людей. За годы службы в ФБР он посмотрелся на них до тошноты. Агенты вроде Коледоса не задерживаются в офисе надолго. Чаще всего они стремительно проносятся перед глазами будто вчерашнее лето. А потом навсегда исчезают за тяжелыми дверьми «верхних кабинетов».

Коледос именно такой. Один из них. Он сделает все возможное, чтобы взмыть по карьерной лестнице. Так высоко, как только сумеет вскарабкаться.

Но Нила Моргана это не волнует. Срать он хотел на Коледоса. Как в прямом, так и в переносном смысле.

Сейчас его ум занимает только одна мысль. Удивительная, волнующая и будоражащая до самых недр души. Как первый секс. Но только еще лучше.

– Чтоб я сдох, – выдохнув, он распрямляется и окидывает территорию мрачным взглядом своих темно-болотных

глаз. – Неужели у нас тут проклюнулся серийник?

Серийник – это серийный убийца. Или насильник. Или и то, и другое сразу. Например, как в этом случае. Слово, почти выветрившееся из широких глянцевых коридоров Бюро. Слово-призрак.

И вот сегодня, утром четвертого сентября, оно вновь появилось на свет. После стольких невероятно долгих лет тотального забвения.

– Мы ведь дадим комментарии прессе? – с надеждой произносит Коледос, и Морган осознает, что если бы ситуация позволяла, чертов юнец сейчас бы подпрыгивал до самых грозовых туч, висящих над его башкой. – Разумеется, когда закончим здесь.

Но Морган не спешит ему отвечать. Он вообще не слушает своего напарника.

Он смотрит себе под ноги, все еще не решаясь поверить в то, что происходит. Потому что это кажется ему практически невозможным. Фантастическим бредом чьего-то больного воображения.

Кто может быть настолько дерзок, чтобы решиться бросить вызов полиции целого штата? Во времена, когда можно выяснить, сколько ты подрочил на этой неделе, даже не заглядывая в твою берлогу и не задавая ни единого вопроса? Когда любая финансовая операция навечно заливает на безликих задниках хостингов? Когда убить человека и избежать наказания за это так же сложно, как изобрести лекарство от

рака?

Как?.. Как может зародиться серийный убийца и насильник в одном лице сейчас? Прямо здесь?..

– Пресса может катиться в задницу, – сухо отвечает Нил Морган, разбивая розовые мечты напарника в щепки. – Свяжись с Бюро и потребуй прислать сюда специальный наряд. И кого-нибудь из отдела по борьбе с сексуальными преступлениями. Нам не помешает лишняя пара рук.

– Понял... – убито отвечает Коледос.

– Всех копов и любопытных убрать за ограждение, – продолжает Морган. – Ничего не трогать, не ходить здесь и не топтать. Не дышать, не пердеть и даже не моргать. Ты все понял?

– Считайте, что я уже все сделал, – звучит рядом знакомый голос, а через секунду Коледос уже проносится мимо с телефоном в руке.

Оставшись в полном одиночестве, Морган нервно скребет свой наморщенный лоб. Где-то за его спиной слышны встревоженные голоса зевак. Чуть ближе бесконечно переговариваются копы, время от времени отвлекаясь на свои хрипящие рации.

Воздух вокруг пахнет холодным влажным ветром. И остывшей человеческой кровью.

У обнаженного трупа, безвольно валяющегося внизу, почти не осталось головы. Из-за широко раздвинутых ног виднеются обрывки плоти – того, что некогда было женской

вагиной. Морган отчетливо видит ее влажные темно-бурые складки, торчащие во все стороны вместе с вывалившимися наружу кишками.

На черепе, частично оголившемся из-под рваной кожи, местами торчат свалявшиеся длинные волосы, перепачканные замерзшей грязью. Скорее всего, когда-то они были светлыми. Крашеными. Агент ФБР хорошо знает, что такое отросшие темные корни. Когда-то у него была жена, красившая свои каштановые волосы в блонд. Это нужно делать каждый месяц. Иначе пряди отрастут, и разница в переходе оттенков будет отчетливо заметна. Как у трупа внизу.

Концы челки слиплись от чего-то полупрозрачного, успевшего застыть на пронизывающем холоде. Он почти уверен в том, что это – мужская сперма. Убийца затащил сюда жертву, облюбовав укромное местечко среди брошенных ангаров. Потом раздел ее догола и изнасиловал. Скорее всего, он заставил ее делать минет. Поэтому на коленях предполагаемой Тары Эдмонтон остались куски грязи. Она явно вминалась ими в почву, еще влажную после недавнего дождя.

Потом он кончил ей на лицо. Поэтому пряди, растущие у ее висков, оказались в сперме. Если это так, то это совсем неплохо. Потому что на руках у ФБР появится биологический материал преступника. Этого почти достаточно для того, чтобы строить далекоидущие планы. В таком случае, третьего убийства уже не будет. С большей долей вероятности. Почти наверняка. Это и так понятно.

Нил Морган не понимает только одного. Как можно пробить человеческое тело насквозь. Из рта к самой вагине так, чтобы под давлением из тела вышибло все внутренние органы. Тем более, как убийца мог осуществить это здесь. Посреди пустыря. Притащил с собой в тачке поршень высокого давления?.. *Чушь.*

Как назло, больше ничего уместного ему на ум не приходит. Возможно, сегодня просто не его день.

Морган точно знает, как протекали последние минуты жизни жертвы. Даже может воссоздать эту картину у себя в мозгу. Вот девушка, сотрясаясь от слез и холода, снимает с себя одежду. Ненадолго замирает, в очередной раз умоляя загадочного мужчину отпустить ее. Но натывается на его холодные глаза. И захлебывается новой порцией слез. А потом послушно стаскивает с себя трусики. Встает на колени.

Все это время убийца равнодушно стоит рядом и наблюдает за ней, отдавая приказания одними жестами. Почему именно жестами? Морган не может этого объяснить. Он это *чувствует.*

Вокруг еще темно. Прошедший недавно ночной ливень оставил после себя множество грязных луж. Именно в одну из них падает коленями будущая жертва. Она сама берет его член в свой рот. Он не держит ее за волосы, не прижимает ладонью ее голову к своему паху и не приставляет к ее виску оружие, как бывает обычно. Но она все равно его слушается. И даже не пытается сбежать. Действует как марионетка,

дергающаяся на веревках. *Почему?..*

А потом он кончает. Струя спермы бьет в ее рот, перебивая дыхательное горло. Поэтому она начинает кашлять. И брызги разлетаются во все стороны, оседая на кончиках ее светлых волос. И после этого... Что произошло после этого?

Нил Морган в тупике. Как он ни старается, он не может представить себе финал этой кровавой истории. Гаснет свет, опускается занавес. И наступает крошечный мрак.

Здесь что-то не так. Что-то, что произошло на этом самом месте с этой несчастной девчонкой, было слишком неправильным. Но что? Что именно заставляет Моргана раз за разом скользить по ее окоченевшему телу своими темными болотными глазами? Что его настораживает?

Он не знает. Просто не может сконцентрироваться. Не может настроиться. Потому что вокруг слишком шумно. Шумят люди, шумит ветер. Шумят грязно-желтой листвой осенние деревья на обочине. Шумит полиэтилен, которым затянуты разбитые стекла брошенных ангаров.

Поэтому в голове у Моргана висит пробел. Но только не белого, а черного цвета. Пугающего оттенка, способного засасывать любой свет, как настоящая черная дыра.

Морган знает, что было за несколько минут до смерти девушки. И что было после того, как она уже умерла. Она падает назад, медленно отлипая губами от пока еще пульсирующей плоти убийцы. Заваливается на лопатки и ударяется головой о землю. Ее колени так и остаются согнутыми. Они

лежат под ее голыми ягодицами, и ступни нелепо таращатся посиневшими от холода пальцами в разные стороны.

Убийца делает шаг назад. Больше ему здесь делать нечего. Поэтому он молча вытирает свой мокрый член о чистый носовой платок или промакивает его одноразовой бумажной салфеткой. *Да, скорее именно второе.* Застегивает ширинку. Поворачивается. И уходит.

В его руках пусто. Потому что на земле остались бы следы. Если бы он приволок с собой что-то тяжелое – то, чем можно было бы выбить из тела жертвы ее внутренности. Он не смог бы держать свою ношу в руках, пока она сосала его член. Значит, насильник ничего с собой не брал.

Тогда каким образом он сумел совершить то, что он совершил? Как, твою мать, такое вообще возможно осуществить голыми руками?..

Глава 4. Человек без имени

Торчать в одной машине вместе с тем, от кого твое сердце принимается отплясывать за ребрами, всегда очень сложно. Особенно, если вас обоих сковывает гнетущее безмолвие.

Он не стал отвечать на мои вопросы и не сказал, куда именно мы движемся. В этот раз мистер Чистюля не снизошел даже до того, чтобы молча скосить свои чертовы глаза и окинуть мое лицо беглым взглядом. Просто тарачился в лобовое стекло и усиленно делал вид, будто меня здесь вообще нет.

А может быть, и в самом деле забыл о том, что теперь он в машине не один. Кто знает, что творится у него в голове? Он такой странный...

Вставив наушники и включив плеер, я вжалась в спинку переднего сидения и вздохнула. А затем сделала музыку погромче и уставилась в окно.

Вдоль ночного шоссе мелькали размытые пятна фонарей, редкие автозаправки и одинокие, полуразвалившиеся, придорожные мотели. Зарядивший ливень, уныло тарабаня по крыше вишневого авто, еще сильнее вгонял в состояние какого-то полного опустошения. И если бы не «*Daughter – Youth*», зависшая на повторе, я бы, наверное, уже давно разрыдалась.

Господи, какое это дерьмо – быть мной.

Как же я устала. Устала, разбилась об углы взрослой жизни, втопталась в грязь и пыль бытия, расщепилась на атомы бессмысленности и утонула в бездне непроглядной тоски.

Раньше мне иногда казалось, что я обитаю в причудливой клетке, где тайный механизм отсчитывает часы до того момента, когда все начнется заново – одно и то же, одно и то же. Теперь я уверена в том, что пребываю в этой клетке, вот только она выстроена из глухих стен и выбраться из нее не выходит. *Никак.*

Я бьюсь о грани кармического куба раз за разом, но только расшибаю кулаки и голову, оставаясь опустошенной, измотанной, лишенной сил. Я вижу: что бы я ни делала, я не могу сдвинуться с места. Может стать хуже, но не лучше.

Я как Алиса в Зазеркалье – я бегу так быстро, как только могу, стремлюсь изо всех сил, стараюсь не сдаться и не опустить руки, но в итоге стою на месте. И чем больше я бегу, тем бессмысленнее эти усилия. Я трачу свою жизнь, я трачу свои душевные ресурсы впустую. Я не получаю ничего взамен.

Я крыса, которую засунули в тесный стеклянный лабиринт, но только сыра в конце мне не полагается. Я гусеница, которая ворочается в своем коконе, обреченная никогда не трансформироваться в бабочку. Я пыль, которая настолько тяжела, что даже не может взмыть вверх и рассеяться над этим опостылевшим миром.

Иногда я ощущаю, как жизненные соки покидают мое те-

ло. Они просто утекают прочь, после каждой моей ошибки, после каждой разрушенной надежды и несбывшейся мечты. Я стараюсь так сильно слепить хотя бы что-то из того, что у меня есть, но в итоге все это разлетается в прах. И каждый раз я остаюсь одна, собираясь с новыми силами и заставляя себя подняться с колен. А затем меня вновь ждет провал.

Мне всего семнадцать. А по ощущениям – семь сотен.

Я так смертельно устала. Это не черная полоса, это черная жизнь. Я не вижу белых полос или хотя бы микрополос, которые перемежались бы со мраком – это цельная пучина безысходности. Порой кажется, что выход так близко – просто протяни руку. И я доверчиво выбрасываю ее вперед, всерьез ожидая нащупать дверной проем. Но это не он. Это бу-тафория, такая же, как фотообои на стене в школьном классе литературы – просто миф, иллюзия, галлюциногенный бред.

Иногда я просто хочу все бросить и убежать. Не важно куда, просто рвануть с места и раствориться где-то далеко, где не нужно биться о стены и сглатывать слезливые комки разбитых ожиданий и упущенных возможностей. Улететь, как птица, раскинув руки в стороны. Поддаться течению холодного ветра, бросившись в его объятия.

Кто бы мог подумать, что настанут времена, когда мой оптимизм и вера в собственные силы просто иссякнут? Я крыса в стеклянном лабиринте, откуда нет ни единого шанса выбраться.

Я просто хочу идти своей дорогой и знать, что меня

ждет что-то большее.

– Два часа в одной машине, а он даже не захотел узнать, как меня зовут, – сокрушенно выдохнула я. – Сплошное дерьмо...

Конечно, мистер Чистюля не был виноват в том, что моя жизнь покатила под откос чуть ли не с момента моего появления на свет. Но я все равно ужасно злилась на него в этот момент. Так сильно, что готова была вцепиться грязными пальцами в его прилизанные пепельные волосы.

Позволив своей буйной фантазии отрисовать в мозгу эту чудесную картину, я даже самодовольно хмыкнула, а затем повернула голову к молчаливому незнакомцу. И с ужасом осознала, что он смотрит на меня. Так пристально. Прямо в глаза. *Бррр...*

– Что? – вынув один наушник, хмуро буркнула я.

Ну давай, скажи что-нибудь обидное. Или попытайся выставить меня вон. Мне все равно больше нечего терять. Теперь у меня остался только *ты*.

– Пожалуйста, никогда не произноси при мне плохих слов, – потребовал он, продолжая сверлить меня своими темными глазами. – Юной леди это не к лицу.

– Ты что, сраный преподаватель хороших манер? – грубо ответила я, с трудом выдерживая его пронизывающий взгляд. – Может, еще чаю попьем с печеньем, когда часы с кукушкой пробьют пять?

Прервав этот странный визуальный контакт, я презри-

тельно фыркнула и выключила плеер.

– Я попросил тебя не выражаться, Софи, – поморщившись, напомнил незнакомец.

Я напряглась, замерев на месте. Что-то я не припоминаю, чтобы я говорила мистеру Чистюле о том, как меня зовут.

Я честно пыталась пару раз завязать диалог, но все мои потуги с треском проваливались, натолкнувшись на полное равнодушие. Вот почему последние часа полтора я, намертво замкнувшись в себе, копошилась в своих многочисленных проблемах, увязая в них все глубже и глубже.

Атмосфера тотального безразличия и отчужденности, повисшая в салоне вишневого авто, отлично к этому располагала. А дождливая осенняя ночь, тянущаяся вдоль желтых фар машины, угнетала еще больше.

– Откуда ты знаешь мое имя?

Я не глядя сунула плеер в карман синих джинсов и вновь уставилась в бледное лицо незнакомца. Кажется, после моего вопроса он выглядит немного растерянным. *Что здесь происходит?*

– Эй, – выпалила я, разглядывая пыльно-розовые губы мистера Чистюли. – Я спросила, откуда ты, мать твою, знаешь мое имя?

– Прекрати ругаться, – сухо ответил он, даже не повернув своей головы.

– Тебе это не нравится, да? – я скрестила руки на груди. – Тогда отвечай на мой вопрос, иначе...

Я замялась и замолчала. Не слишком-то понятно, чем я вообще могу ему угрожать. Разве что тем, что замараю его чистенький салон своими грязными кедами.

– Иначе я расскажу тебе одну дерьмовую историю, – ляпнула я наобум, не желая сдаваться так просто. – Она о том, как одна чертова дворняга навалила кучу прямо на крыльце нашего с мамой фургона. И когда я утром открыла дверь, чтобы отправиться в школу, я наступила прямиком в свежее дерьмо. Но обнаружила я это не сразу, так что дерьмо было везде – в школьном автобусе и на его ступенях, на моих подошвах и на полу в школьном коридоре. Дерьмо там, дерьмо здесь. Всюду дерьмо.

– Прекрати.

В его ледяном голосе появилось что-то новое. Пугающее и даже неестественное.

Такой красивый мужской голос. Ровный. Чистый. Идеальный... Такой же, как сам этот чертов блондин. Я могла бы слушать его часами. Вот только есть одна маленькая проблемка – он не разговаривает со мной.

Я была слишком раздражена. Измотана и раздавлена для того, чтобы внимать словам незнакомца, так равнодушно бросившего меня на растерзание пьяного водилы. Да, он не обязан был меня спасать. И, в конечном итоге, не выставил меня из своего авто. Но все же... Было в этом что-то такое обидное. Неправильное. Грубое. Колючее почти до слез.

Это как остаться наедине с тем, о ком ты думаешь каждую

ночь. Уставиться в его манящие глаза, полностью погрузившись в них, и на несколько минут перестать существовать в окружающем мире. А потом потянуться своими губами к его лицу... И ощутить, как холодные руки отталкивают тебя прочь.

– Я видел твоё фото в вечернем выпуске новостей, – равнодушно произнес он, по-прежнему глядя в залитые ливнем стекла машины. – Полиция разыскивает семнадцатилетнюю Софи Доусон, место нахождения которой остается неизвестным.

О, ну что же... Это многое объясняет.

– Понятно, – не скрывая разочарования, я откинулась на спинку сидения и засунула руки в карманы толстовки. – И что теперь? Сдашь меня копам?

– Нет, – немного подумав, ответил он. – Не за чем. Они вскоре сами тебя найдут.

– Почему это?

Я оскорбленно поджала губы и повернулась к мистеру Чистюле. Его невозмутимый вид начинал меня бесить все больше.

– Потому что ты не умеешь скрываться.

– Я назвалась чужим именем, когда заселилась в мотель, – хмуро возразила я. – И держалась шоссе, по которому таскаются только дальнбойщики.

– Это тебе не поможет.

Ну надо же! Мистер Чистюля оказался совсем не так

прост. Может быть, он тоже от кого-то скрывается? Бежит от полиции? *Хм.* С трудом могу в это поверить. Он такой правильный, такой чистенький. Хотя... Кто знает? В чужой голове может обитать все, что угодно.

– Серьезно? – я окатила его вызывающим взглядом. – Тогда может ты научишь меня тому, как ловко избегать полицейского преследования? Дашь пару действенных советов?

Мистер Чистюля слегка повернул голову и скосил свои темные глаза в мою сторону. И на несколько секунд наши зрачки встретились. Но мне показалось, что этот кошмар продолжался целую вечность.

Как замороженная, я таращилась в его блестящие глаза, не в силах отвернуться или хотя бы опустить взгляд. И тайно молилась о том, чтобы он наконец снова уставился на свою дорогу. Это было невыносимо.

Но он, как назло, продолжал смотреть прямо на меня.

В салоне внезапно стало так жарко, как будто за окном взошло июльское солнце. Я почувствовала, как по спине потекли ручейки пота. Обычно такой ад начинался в летний полдень – скрыться от духоты под металлической крышей фургона или вне его стен было нереально. Сколько ни прячься в тени зарослей, все равно футболка начнет прилипать к спине, а лоб покроется противными мелкими каплями.

Вот только сегодня к ночи на штат обрушились первые заморозки. И за окнами вишневого авто колотил ледяной осенний ливень, больше похожий на густой мокрый снег.

– Какой отвратительный одеколон... – пробормотала я, с трудом отрывая взгляд от его бледного лица и пытаюсь нащарить ладонью кнопку, опускающую боковое окно. – Здесь нечем дышать!

Наконец, мне это удалось. И внутрь машины ворвался пронизывающий сентябрьский ветер. Запахло прелыми листьями и сырым шоссе. *Господи, какое облегчение...*

На самом деле, он пах именно так, как должен пахнуть красивый молодой мужчина. Такой, от одного запаха которого напрочь срывает крышу. Ну, наверное.

Наверное, так подумала бы каждая нормальная взрослая женщина. Вот только я не взрослая. И я еще не женщина. И уж точно далеко не самая нормальная.

Вот почему после почти двух часов, проведенных в его машине, так близко от его тонких пальцев и немного обветренных розовых губ, этот чертов аромат одеколona действовал невероятно раздражающе. В какой-то момент мне всерьез начало казаться, что я сама успела пропитаться им насквозь. И даже стылый осенний ветер, завывающий на авто-трассе, не сумел бы вытрясти из меня этот удушающий, наркотический запах. Он намертво въелся в каждую клетку моей кожи. Осел в волокнах моей заношенной сиреневой толстовки. Впитался в мои непослушные волосы.

И, *о боже...* Остро ощущался на кончике моего языка. Наверное, если бы я лизнула его плотно сжатые губы или гладко выбритый подбородок, именно этот вкус остался бы

внутри моего рта.

От этой мысли я испуганно съежилась на сидении. И почувствовала, как к моим щекам хлынула горячая до невозможности кровь. Что со мной?.. Почему я вообще думаю о таких неловких вещах?

– Я припаркуюсь у мотеля и сниму номер на ночь, – вечернюю тишину неожиданно разрезал низкий мужской голос. – Я устал и больше не могу вести машину.

– Да пожалуйста, – легкомысленно отмахнулась я.

Но мое сердце жалобно сжалось в крошечный комок.

Ну вот и все. Приехали, Софи. Сейчас он остановит свою тачку цвета вишневого пудинга, вышвырнет тебя из салона, а потом пойдет в свой номер. А ты... А ты отправишься скитаться по ночным улицам, стараясь не вляпаться в новое дерьмо. Без денег. И без будущего. *И без него.*

Последний пункт показался мне самым несправедливым. Настолько, что я невольно шмыгнула носом, пытаюсь сдержать слезливый ком, перегоревший горло.

В мире тинейджеров всегда все так просто. Если тебе кто-то нравится, достаточно скинуть ему в личку подходящий трек. Такой, чтобы он сразу все понял. И тогда, если ты ему тоже нравишься, он скинет тебе что-нибудь в ответ. Все. С этого момента можно считать, что вы – потенциальная влюбленная парочка.

В мире взрослых все устроено слишком тупо и сложно. Как дать понять кому-то, что он тебе нравится? Нельзя же

просто так подойти к человеку и заявить об этом. Он же *взрослый*. А у них все всегда не так, как у людей.

Я тяжело вздохнула и с тоской выглянула в окно, за которым по-прежнему хлестал осенний ливень. Не думаю, что у мистера Чистюли вообще есть аккаунт в социальной сети. Он выглядит таким отстраненным. Наверное, он был бы одним из тех зануд, на странице которого не указано ничего, кроме имени и фамилии.

И даже если бы я знала его электронный адрес, что дальше? Сказать ему – отвернись, незнакомец, я сейчас пришлю тебе один трек?.. *Господи, какой бред*. И что я бы я ему скинула?

Я ненадолго задумалась. Нельзя просто взять и отправить первую попавшуюся песню. Она должна отражать то, что ты чувствуешь. Она должна быть точно такой же, как человек, от которого подтапливает твой чердак. Вот взять того же мистера Чистюлю. Он такой красивый, такой идеальный, утонченный. Он и на человека-то даже не похож. Я никогда раньше не встречала таких, как он. Конечно, может, это просто потому, что большую часть своей жизни я проторчала в клоаке для нищих мигрантов. Но... Что, если таких, как он, действительно просто больше не существует?

Я осторожно повернула голову, стараясь сделать это так, чтобы он не заметил, как я на него пялюсь. А затем скользнула по его отрешенному лицу быстрым взглядом.

Да, я определенно скинула бы ему «*Blue Foundation* –

Bonfires». Этот трек такой же, как и он сам. Нереальный. Очаровательный. И немного ретро.

Никак не возьму в толк, почему мистер Чистюля вызывает у меня подобные ассоциации. Знаете все эти старые американские фильмы про прилизанных мужиков в костюмах с иголки, которые, важно поигрывая бровями, курят на террасе загородной виллы дорогие кубинские сигары? Мистер Чистюля идеально вписался бы в любой из них.

– Закрой окно, становится холодно, – потребовал он внезапно, оборвав нестройную цепочку моих мыслей.

– А мне не холодно, – заупрямилась я, тряхнув длинными спутанными волосами. – Ты как будто старик в автобусе, который требует прикрыть форточку в тридцатиградусную жару!

– На улице немногим выше нуля, – ответил он, а потом повернулся и зачем-то изучающе оглядел мое лицо. – У тебя жар, Софи.

– И что? Дашь мне жаропонижающее, а потом разотрешь спинку эвкалиптовой мазью?

Я фыркнула, скрестив руки на груди.

Никому ни до кого нет никакого дела. Это суровый взрослый мир, и мне пора к этому привыкать. Здесь у каждого – своя личная территория и неприкосновенное пространство, нарушать которое ты не имеешь права. Все взрослые люди обитают за огромным железным забором, через который невозможно перебраться. Добровольная самоизоляция.

Почти уверена в том, что мистер Чистюля – точно такой же. Уже через час он даже не вспомнит о моем существовании. А через два будет трахать какую-нибудь дешевую шлюху, которую снимет на ночь, чтобы не торчать в мотеле в одиночестве. Люди все время это делают. Спят друг с другом от одиночества.

– Тебе есть куда пойти?

Он ненадолго отвлекся от трассы и снова посмотрел на меня.

– А тебе какое дело? – в этот момент я ощутила себя особенно униженной. – Хочешь предложить мне переночевать на придверном коврикe? Спасибо, но я как-нибудь обойдусь и без твоего участия.

Ясно. Если посторонний проявляет к тебе зачатки сочувствия, значит, в его глазах ты выглядишь максимально жалко. Не хотелось даже думать об этом. О том, каким отродьем я представляла в темных глазах мистера Чистюли.

– Здесь сейчас небезопасно, – пространно изрек он, притормаживая у двухэтажного здания, выкрашенного в глубокий серый оттенок. – Тем более, для юной леди вроде тебя.

Машина послушно встала на обочине дороги, моргнув на прощание оранжевыми фарами.

– Хватит меня так называть, – проворчала я, натягивая на лоб капюшон. – И спасибо, что подобрал.

Я распахнула дверцу и неуклюже вывалилась наружу. В лицо тут же ударил пронизывающий ветер. С ночного неба

вниз падали крупные капли холодного дождя вперемешку с рыхлыми комьями снега. Отличная ночь, чтобы свалить куда-нибудь и больше не вернуться.

Я сделала несколько шагов по направлению к пустой автостраде, стараясь не разреветься на ходу. Не сейчас, Софи. Он пока еще слишком близко. Сначала необходимо нырнуть в спасительную темноту. А уже потом давать волю чувствам.

– Постой, – прогудел голос прямо над моим ухом, и тяжелая мужская ладонь легла на мое трясущееся от холода плечо. – Я не смогу уснуть, если сейчас отпущу тебя одну.

– Да? – я стряхнула с себя чужую руку, обернулась и с нескрываемой издевкой посмотрела в его бледное лицо. – Что-то ты не слишком переживал обо мне, когда тот жирный водила пытался затащить меня в номер. Что именно изменилось с тех пор?

Ночной ветер завывал в пожелтевших кронах деревьев, трепал густые светлые волосы незнакомца, забирался под ткань моей фиалковой олимпийки. Но я почти не ощущала его ледяных прикосновений. Мистер Чистюля был прав. Наверное, я в самом деле подхватила простуду, бегая босыми ногами по холодным лужам.

Означает ли это, что каждый раз при взгляде на него меня начинало трясти только потому, что у меня поднялась температура? Почему-то мне казалось, что нет. *Точно нет.*

– Ты... – растерянно пробормотал он, как будто удивляясь самому себе. – Ты мне кое-кого напоминаешь.

– Как мило, – я засунула руки в карманы толстовки и вскинула голову повыше, чтобы мои глаза могли нашарить в полутьме его расширенные зрачки. – И что дальше? Как следует позаботишься обо мне до утра, а потом отпустишь на все четыре стороны?

Я нарочно сделала ударение на слове «*позаботишься*». И вдохнула в него столько презрения и сарказма, сколько вообще была способна выдать моя невоспитанность. Не важно, что он был мне симпатичен. И не важно, что я оказалась в полнейшем дерьме. Я никогда и никому не разрешу пользоваться собой как дешевой игрушкой. Никогда. Даже ему.

Хотя где-то очень глубоко внутри, под ушибленными ребрами, предательски трепетало сердце, готовое в любой момент радостно прыгнуть в его раскрытые белые ладони. А еще более предательский мозг тихо внушал мне позорную мысль о том, что потерять невинность с этим мужчиной и согреться в его руках гораздо лучше, чем замерзнуть до смерти в ближайшей подворотне.

Но человек – это не только его сердце и мозг. Это нечто большее. И у меня пока еще оставалась в запасе моя гордость. Единственное наследство, доставшееся мне от бедовых родаков.

– Я сниму двухместный номер под именем Джеймс Нортон, – мистер Чистюля отвел глаза в сторону и сделал шаг назад. – И сообщу в регистратуре, что ко мне могут нагреть гости.

Не дожидаясь моего ответа, он отвернулся и пошел прочь. Добрался до своего вишневого авто, вытащил из багажника большой коричневый чемодан. А потом нырнул в темноту широкого навеса, скрывающего входную дверь мотеля.

В отличие от «Королей автострады», это место выглядело почти нормально. Никаких пыльных грузовиков, торчащих по бокам шоссе. Никаких мигающих фонарей на обочине. И почти ни одной трещины на сером крашеном фасаде. Страшно представить, сколько стоит одна-единственная ночь в таком мотеле. Наверное, на эти деньги можно было бы торчать целую неделю в «Королях автострады». А, может, даже больше. *Или несколько лет затариваться просрочкой в магазине Саманты.*

Мой желудок жалобно скукожился, а потом тихо, но настойчиво заурчал. Господи, я бы сейчас сожрала что угодно. В буквальном смысле. Не побрезговала бы даже кошмарным порошкообразным супом из упаковки, который сильно пахивал собачьим кормом. Мама иногда брала его в лавке Саманты на сдачу, но он был таким отвратным, что мы не решались вскрывать его даже в самые безденежные времена. Поэтому эти коричнево-зеленые упаковки обычно пылились на кухне вагончика под самым потолком.

Я надвинула промокший капюшон на глаза, шагнула к белеющим на мокром асфальте полоскам пешеходного перехода и остановилась. И что дальше, Софи?

Сегодня холодно. Дождь льет как из ведра, и явно пока

не намерен прекращаться. Куда мне идти? Дотащиться до ближайшего подземного перехода, нырнуть в самый темный угол и надеяться, что я сумею дотянуть там до утра? А что потом?

Противная дрожь колотила меня все сильнее. И я поняла, что каждый новый вдох дается мне все сложнее. Как будто мои легкие сжимали колючими тисками...

Мистер Чистюля точно не станет здесь задерживаться. Он может покинуть стены мотеля в любой момент. Он похож на человека, который все время куда-то спешит. Перебирает дешевые придорожные ночлежки, как бусины на четках, раз за разом растворяясь в крошечном мраке осенней ночи. И когда это произойдет снова, я больше никогда его не встречу. *Никогда.*

– Да ладно тебе, Софи, – я ободряюще шлепнула себя по пустому животу. – Выше нос! Ты же не станешь ныть из-за таких пустяков?

Но слезы, градом катящиеся по моим щекам, уверяли в противоположном.

Это никакие, твою мать, не пустяки! Моя жизнь – это не пустяк. И моя мама – тоже. И чертов мистер Чистюля...

Капли холодного дождя, смешиваясь с моими слезами, суетливо стекали по подбородку, а потом срывались вниз, исчезая в больших блестящих лужах. Чтобы никому не попасться на глаза, я быстро прошмыгнула за боковую стену мотеля, прислонилась к ней спиной и закрыла горящее лицо

ладонями.

Впервые в жизни я не знала, что мне делать. Не понимала, как выбраться из кучи дерьма, в которой я утопала все сильнее.

Раньше все было не так. Все было иначе. Мама никогда не задерживалась надолго. Мелькала какая-то пара дней, и она снова оказывалась дома. И я тоже. И наша жизнь возвращалась в привычную колею. Все шло по накатанному сценарию. Пусть убогому. Никчемному. Но хорошо знакомому.

В этот раз все не так. Уже ничего не будет, как раньше. Никогда.

Все обрушилось на меня так стремительно, так грубо. Так СРАЗУ. Просто свалилось пыльным мешком на мою растрепанную голову, напрочь сбив с ног. Свалив на землю. Размазав по грязным лужам. А под конец еще и отхлестав по холодным щекам.

Наверняка в этом был виноват чертов мистер Чистюля. Определенно он. Каждый раз, когда он возникал на горизонте, я начинала ощущать себя так, как не ощущала никогда прежде. Жалкой, обессиленной, лишенной собственного достоинства. Он умудрялся унижать меня одним фактом своего существования. Заставлял явственно испытывать собственную никчемность.

Такой чистенький, такой вышколенный. Отполированный до глянцевого блеска. Как дорогушая тачка с откидным верхом, случайно забредшая на проселочное шоссе. А я – пыль-

ное ржавое корыто, в прицепе которого фермеры таскают на рынок октябрьские тыквы. Корыто, которое никому уже не жалко. Которое никому не придет в голову идея беречь.

Я захлебывалась рыданиями, размазывая слезы по лицу, и проклинала мистера Чистюлю за то, что он появился в моей жизни в самый неподходящий для этого момент. За то, что отобрал последние крохи моего самоуважения. И за то, что лишил веры в собственные силы. Пусть неосознанно. Ведь очень вряд ли ему есть какое-то дело до таких, как я. Сложись все немного иначе, он бы никогда даже не посмотрел в мою сторону. Да он и *не смотрел*.

– Мерзкий, надменный говнюк, – едва слышно выдавила я из себя, хлюпая мокрым носом. – Когда-нибудь я докажу, что я ничуть не хуже тебя. Докажу это всему миру!..

Но это будет позже. Потому что сейчас мне необходимо успокоиться. Прийти в себя. А потом – придумать, где найти укромный угол для ночевки. И хотя бы немного еды.

– Я ведь просил тебя следить за своей речью, Софи.

Знакомый до боли голос полился откуда-то сверху. Словно ниспадал с небес вместе с колючими каплями сентябрьского ливня. Испуганно дернувшись, я отлипла от мокрой стены и вскинула голову вверх.

Он торчал на открытом балконе второго этажа, свесившись локтями с перил. Дождь оседал на его светлых волосах, стекал по его бледному лицу, норовил погасить сигарету, дымящуюся в его тонких пальцах. Но, судя по всему, мистера

Чистюлю такие мелочи ничуть не волновали.

– Ты что, подслушивал?

Я со злостью сжала трясущиеся кулаки. Как ему удастся доводить меня до бешенства парой гребанных слов?

– Нет, – он чуть заметно пожал плечами. – Я курил.

– Ну вот и кури дальше, – я отступила назад, чтобы лучше видеть его непроницаемые темные глаза. – И не суйся в мои дела!

– Как скажешь.

Теперь мистер Чистюля в курсе того, что я нахожусь в полном дерьме. Он наверняка слышал, как я рыдаю под окнами мотеля. И если тогда, в «Королях автострады», он еще мог и не догадываться об этом, то сейчас... Оставалось надеяться на одно – что он не поймет, кому именно адресовалась моя гневная фраза, брошенная в ночную пустоту в порыве тотального отчаяния. Иначе это будет совсем скверно.

Несколько мгновений мы тупо смотрели друг на друга, сохраняя напряженное молчание. И мне показалось, что в этот момент незнакомец усиленно о чем-то размышлял. Не зря же его ровные темные брови внезапно схлестнулись на переносице. А на лице появилось что-то, отдаленно похожее на смятение.

– Я могу подняться в твой номер, чтобы принять горячий душ? – неловко переминаясь с ноги на ногу, наконец проговорила я, стараясь перекрычать шум ливня. – Это не займет много времени.

Сейчас ему ничего не стоит раздавить меня как таракана. Всего одно слово – и моя самооценка распадется на молекулы. И уже больше никогда не склеится обратно.

– Я собираюсь уходить, – задумчиво протянул он. – Вернись только утром. Так что ты можешь оставаться в номере так долго, как пожелаешь.

Он докурил, стряхнув пепел прямо на пол открытого балкона. А потом отшатнулся от металлических перил, спрятав голову под коротким навесом окна и засунув ладони в карманы черных брюк. И продолжил глядеть на меня сверху вниз. Как будто это приносило ему какое-то странное удовлетворение.

– В такую погоду? – я наморщила лоб и стряхнула с кончика носа холодную каплю дождя. – Куда?

– Не суйся в мои дела, – ответил он, и по его губам скользнула едва различимая улыбка.

– Очень по-взрослому, – я закатила глаза. – Так я иду, ладно?

– Иди.

Когда тонкий силуэт мистера Чистюли скрылся за стеклянной дверью, ведущей в недра полутемного номера, я не сразу решилась сойти со своего места. Какое-то время я еще продолжала торчать под проливным дождем, охваченная внутренними терзаниями.

Стоит ли мне сейчас тащиться в его номер? Не слишком ли это опасно? Что, если я окончательно втрескаюсь в этого

самодовольного надутого говнюка? И что тогда? Я и без этого по уши в проблемах.

К тому же... Не слишком ли странное гостеприимство проявляет мистер Чистюля? Что-то я не припоминаю, чтобы он вел себя так дружелюбно в нашу первую встречу. Или вторую. Скорее, все было в точности наоборот. Так почему он вдруг так переменялся? Чего он хочет?..

Но сильный кашель, отозвавшийся в груди резкой болью, заставил меня стряхнуть остатки оцепенения. Сегодня мне нужна крыша над головой. Теплая постель. И еда.

Если мистер Чистюля сам предлагает воспользоваться его радушием, то почему бы и нет? Тем более, что он собирается свалить из номера на всю ночь. Значит, мне ровным счетом ничего не угрожает. Ни в каком из всех возможных смыслов.

А потом... Потом в моей голове промелькнула давящая мысль, от которой мое сердце снова жалобно сжалось, пытаюсь схлопнуться до размеров атома. Вряд ли такой, как мистер Чистюля, вообще посягнет на такую, как я. Я прекрасно помнила, какое отвращение появилось на его красивом лице, когда мы столкнулись у лестницы, ведущей к номерам в «Королях автострады».

Он посмотрел на меня примерно так же, как богатенькие люди смотрят на кучу дерьма, появившуюся на их ухоженном зеленом газоне. *Как на что-то мерзкое.*

Да. Я маленькая грязная Софи из черного гетто. В дешевых китайский кроссах, которые успели насквозь пропитать-

ся водой из лужи. В заношенной фиалковой толстовке. И в единственных темно-синих джинсах с прорезями на острых коленках.

Наверное, мистер Чистюля прав. На таких, как я, по-другому не смотрят. Может быть, я даже заслуживаю его презрения. Возможно, окажись я на его месте, я и сама бы начала морщить нос от людей, подобных мне.

Никто не любит бедных. Никому не нужны проблемные, грустные, одинокие и жалкие. Сохнуть по красивым всегда проще. Ведь это не требует никаких усилий. Человек интуитивно тянется ко всему, что выглядит совершенным.

Мистер Чистюля понравился мне потому, что иначе просто не могло быть. В таких, как он, влюбляются с первого взгляда. Таких, как он – единицы. А таких как я – миллионы. Миллионы никому не нужных Софи. Миллионы никому не нужных косоглазых Хелен.

Думаю, людей вроде меня любить очень непросто. Или даже невозможно.

Зачем тратить силы и время на то, чтобы разглядеть что-нибудь в посредственном человеке, когда можно сразу обратиться внимание на того, кто поражает своим совершенством? Обычные люди никого не вдохновляют. По ним не сходят с ума. Им не сочиняют стихов. Им не звонят посреди ночи со слезами на глазах. Их имена не пишут баллоном на заборах. И уж точно не вбивают их тонкой иглой в поры своей кожи в тату-салоне.

Пора привыкать к этому, Софи. Этот мир принадлежит таким, как мистер Чистюля. А мое место – там, где я сейчас.
Нигде.

Глава 5. Кто-то дикий

Я прекрасно знаю, о чем вы все сейчас думаете. Вы думаете: *«чертова голодранка из гетто, гребаная Софи... Я купил эту книгу не для того, чтобы выслушивать все эти жалкие тинейджерские сопли»*.

Откуда я это знаю? Просто вы все – такие же, как мистер Чистюля. Холодные, жесткие, равнодушные люди. Те, кто пройдет мимо, когда я захлебываюсь рыданиями в темноте, и даже не подумает протянуть руку помощи.

Вы те, кто всегда осуждает. И никогда не встает на защиту. Те, у кого в кармане взрослого пальто всегда припасен окровавленный камень, чтобы швырнуть его в того, кто оступился. И вы те, у кого никогда не найдется запасного носового платка.

Вы хотите читать о крови, о предательстве, о насилии. О страданиях, убийствах и горах трупов. Потому что вам не интересно читать о любви. Вы не желаете о ней знать. Вы сонно зеваете от одного упоминания о ней и оживаете лишь тогда, когда на странице мелькает слово «смерть».

Стервятники. Падальщики. Пустые мешки из кожи.

Да, я ненавижу вас всех так же сильно, как и мистера Чистюлю. Потому что вы ровно так же виноваты во всех моих несчастьях, как и он. Ваша политика невмешательства, построенная на чужих слезах и реках крови, не работает в ми-

ре людей, способных чувствовать. Ваша маска отчуждения, с трудом налезаящая на ваши лоснящиеся лица, давно превратилась в ужасающую гримасу уродства.

Вы всерьез полагаете, будто идти своей дорогой означает сметать на своем пути чужие тропки. Особенно, если они пересекаются с вашей. Но кто дал вам такое право? Кто позволил вам полагать, будто вы – именно те, чья жизнь в этом мире весит больше, чем все остальные? Кто? Кто, черт возьми, внушил вам эту разрушительную веру в собственную исключительность?

Как вы можете спокойно жить, осознавая тот факт, что вы несете с собой исключительно разрушения, боль и разочарование? Почему вас до сих пор не тошнит от самих себя?

Неужели вы всерьез верите в то, что, игнорируя чужую боль, вы сумеете избавиться себя от собственной?

Вы, взрослые люди. Но еще более наивные, чем пустоголовые сопливые младенцы.

– Софи, пожалуйста, выпей таблетку. У тебя начался бред.

– Ты! – я с трудом сфокусировалась на худом мужском лице, маячившем прямо надо мной. – Кто дал тебе право унижать меня? Кто позволил тебе смеяться надо мной?

– Я никогда не смеялся над тобой, Софи, – терпеливо возразил низкий голос. – Возьми таблетку, у тебя сильный жар...

– Отвали от меня, – я наобум взмахнула руками, пытаюсь вышибить из пальцев мистера Чистюли протянутый стакан

с водой. – Даже хищники не играют со своей жертвой перед тем, как сожрать ее. Это низко, это подло!

Я сипло закашлялась, а затем в очередной раз разрыдалась.

В голове все гудело. Перед глазами расплывались большие разноцветные пятна. Дышать становилось все труднее, и чтобы сделать очередной вдох, мне приходилось сгибаться чуть ли не пополам.

Тонкое одеяло, прикасаясь к моей коже, обжигало хуже, чем раскаленная поверхность утюга. Казалось, что оно соткано из миллиарда измельченных иголок.

– Где мой плеер? – прохрипела я, даваясь очередной порцией сухого кашля. – Дай мне мой плеер!

– Зачем он тебе?

Я знала, что он сидит рядом со мной, пристально разглядывая мое покрасневшее лицо. Хотя я уже не могла его видеть – все вокруг меня кружилось и вертелось, будто на каком-то уродском аттракционе. *Зато я могла его чувствовать.*

– Я хочу послушать одну песню.

– Какую?

– Не твое дело, Чистюля, – я в исступлении задргала ногами. – Немедленно дай мне мой плеер!

Наступила минута тишины. Ну, или час. Не знаю – меня то и дело вырубало, и сознание радостно отключалось, погружая мой мозг в подобие непроницаемой комы.

– Я отдам твой плеер, если ты выпьешь таблетку.

– Что за таблетка? – я попыталась приподняться на локтях, и тут же ощутила, как внутри моего черепа взорвалась огненная граната. – Если это аспирин, то тогда пей его сам.

– Почему?

– Потому что у меня аллергия на аспирин!

Я услышала, как он тяжело вздохнул. А потом где-то рядом с моим ухом с громким стуком опустился на твердую поверхность стеклянный стакан.

– Нужно было сразу высадить тебя из машины, – в его интонации проскользнуло холодное раздражение.

– Ну прости, что у меня с рождения острая аллергическая реакция на этот препарат, – я повернулась на бок, обхватив пульсирующую от боли голову руками. – Не все в этом мире настолько идеальны, как ты. Надеюсь, когда-нибудь ты сумеешь смириться с этим!

Гребаный красавчик. Почти уверена в том, что у него ужасный характер. Такой тяжелый, мерзкий и придирчивый. Как у одиноких стариков в доме престарелых.

– В природе существуют жаропонижающие препараты, на которые у тебя нет аллергии?

Он сделал демонстративное ударение на слове «нет» и замолчал, ожидая моего ответа.

Конечно, они существуют, чертов Чистюля! *Вот только тебе об этом знать совсем необязательно.*

Во-первых, чаще всего мне не нужны никакие таблетки –

достаточно отлежаться в постели пару дней. В прошлый раз, когда я подхватила бронхит, гоняя мяч с черными ребятами из гетто, я просто валялась в кровати дни напролет, пила чай с лимоном из своей уродской оранжевой жирафокружки и ела принесенные мамой апельсины (*и была вынуждена от скуки таращиться в экран телека, на котором безостановочно крутили какую-то жуткую любовную тягомотину на испанском языке*).

А во-вторых... Во-вторых, я прекрасно знаю о том, что произойдет, как только я оклемаюсь.

Стоит градуснику в моей подмышке показать нормальные цифры, ты тут же бесследно растворишься в синей дали, и я тебя больше никогда-никогда не увижу.

Я догадываюсь, почему ты меня пожалел. Почему все же не выставил из своей машины, хотя хотел это сделать. Я тебе кого-то очень сильно напоминаю. Не важно, кого. И совсем не важно, чем именно. Если бы не это обстоятельство, сейчас я бы торчала не в твоём теплом номере, а где-нибудь на промерзлой трассе, пытаюсь придумать, в какую щель мне забиться, чтобы не сдохнуть от холода.

Конечно, это очень обидно. И даже немного больно. Как будто на кончик пальца пролилась капля кипятка: вроде ничего такого уж страшного, но игнорировать эти неприятные ощущения все равно не выходит. Так и здесь. Он рядом только потому, что я на кого-то там похожа. И все.

Не потому, что я – это я. Не потому, что я ему понрави-

лась. И даже не потому, что он втайне лелеет коварные планы по затаскиванию меня в свою койку. Просто я та, кто неведомым образом переносит его сознание в прошлое. Вот и все... *Черт.*

– Софи, – прозвучал ледяной голос прямо над моим ухом. – Ответь на мой вопрос.

– Я не знаю, – нагло соврала я, укутываясь в одеяло до самых бровей. – Когда я болею, таблетки мне дает мама. У меня не было необходимости спрашивать ее о том, что именно она подсовывает мне под нос.

– Ты не знаешь о том, какие препараты тебе разрешены?

– Ты что, глухой или вроде того? Я только что тебе все объяснила!

– Хорошо.

Он поднялся с края постели, прогладил рукой смявшуюся на груди рубашку, расправил широкие манжеты и наклонился к спинке кресла, на которой был аккуратно разложен его осенний плащ.

– Куда-то собрался? – будто мельком поинтересовалась я.

– Да.

Он быстро набросил плащ на свои худые плечи, педантично застегнул все пуговицы, включая самую верхнюю, а затем повернулся в сторону кровати и смерил меня каким-то странным взглядом. Обычно так на меня смотрела мама, когда я пыталась ей соврать.

– Я скоро вернусь, – бесцветно произнес он. – Под

креслом у входной двери остается мой чемодан. Он очень важен для меня, Софи. Пожалуйста, не прикасайся к нему.

– Гениально, – выдохнула я, закатив глаза. – Ты ведь понимаешь, что после этих слов я теперь все время буду думать об этом чертовом чемодане?

– Софи...

– О, да ладно, – я неопределенно взмахнула рукой, высунутой из-под одеяла. – Что там может быть такого важного? Твоя детская пеленочка с утятами? Голые фотки бывшей? Или, может быть, твой поддельный паспорт?

– Софи, – голос мистера Чистюли стал настолько холодным, что мне показалось, будто по моей спине поползли колючие мурашки. – Я не разрешаю тебе прикасаться к этому чемодану. Это очень простая просьба.

– Скажи, что внутри, – я не без труда оторвала горячую голову от подушки и бросила заинтересованный взгляд в сторону входной двери. – И тогда мне незачем будет к нему приближаться.

А затем мои глаза встретились с черными зрачками мистера Чистюли. И в это мгновение я четко осознала, что он не шутит со мной. И даже не думает об этом.

Его бледное лицо застыло от напряжения. Поджав бледно-розовые губы, похожие на заснеженные лепестки чайной розы, он тарачился прямо на меня. И в этом взгляде было что-то... *Странное.*

– Ладно-ладно, – я откинулась обратно на постель и при-

крыла веки. – Как скажешь!.. Мне просто стало интересно, что такой человек как ты может таскать в этом пыльном куске дерьма.

– Я просил тебя внимательнее следить за своим языком. Ты даже этого сделать не в состоянии.

Мне показалось, что он разочарованно вздохнул. А потом я едва не подскочила на месте от оглушительного грохота захлопнутой двери.

Чертов Чистюля чуть не сорвал ее с петель!

– Ого, – приподнявшись на локтях, я с интересом оглядела опустевшую спальню. – Как легко вывести его из себя...

Повалявшись в постели еще несколько минут и потарасившись в потолок, белеющий над моей головой, я выскользнула из-под одеяла и опустила голые ступни на пушистый коврик.

За окном номера протяжно насвистывал ветер. Из-за смежной стены доносилось почти неразличимое монотонное бормотание телека. В соседней комнате кто-то явно смотрел вечерний выпуск новостей.

Не думаю, что мистер Чистюля шутит. У него явно какой-то пунктик насчет этого древнего чемодана. Но почему он так психует? И что именно он в нем прячет?

– Я не собираюсь его открывать, – громко заявила я в пустоту, на всякий случай оглядевшись по сторонам и прислушавшись к тишине, повисшей за входной дверью. – Просто немного на него посмотрю. Это что, преступление?

Я поднялась с кровати. Перед глазами по-прежнему плясали какие-то яркие пятна. Ворочать головой было тяжело и больно. Как будто она внезапно стала металлической. В груди мелко похрипывала противная мокрота. Я закашлялась, постаравшись от нее избавиться. Но вместо облегчения испытала только новую порцию неприятных ощущений. Голова тут же разнылась сильнее прежнего.

Поморщившись от боли, я немного постояла на месте, пытаясь прийти в себя.

– Кто вообще так общается с проблемными подростками, – пробормотала я себе под нос. – Это все равно, что припарковать в черном квартале кабриолет и уйти, оставив ключи в замке зажигания. Кто-то явно никогда не жил в гетто.

Я видела его коричневый чемодан. Большой, очень старый, кое-где успевший заметно потемнеть. На его потертых кожаных углах уже почти не осталось прежней краски. Он послушно стоял под креслом у самой двери, печально поблескивая металлической защелкой.

– Просто посмотрю, – повторила я. – В самом худшем случае, потрогаю одним пальцем. Вот этим...

Я вытянула вперед указательный палец. А потом на всякий случай протерла его краем своей толстовки.

Он даже ничего не узнает. Я не настолько тупая, чтобы хватать чемодан руками или пытаться его открыть. По сути, я даже не собираюсь его трогать. Так что я никоим образом не нарушаю просьбу мистера Чистюли. Он ведь не упоминал

о том, что на его чемодан нельзя пялиться. Верно?..

Я плюхнулась коленями на холодный пол в нескольких сантиметрах от края кресла. Большое, мягкое и плюшевое, оно покорно пылилось в углу спальни, раскорячив свои деревянные ножки.

«Ф.М.»... Что это за гравировка? Инициалы прежнего хозяина?

Уставившись на крышку коричневого чемодана, я ненадолго задумалась. Он выглядел так, словно успел просуществовать, по меньшей мере, сто лет. Или даже больше.

Подобные вещи я находила на чердаке в доме бабушки. Как и любой скупой англичанин, он никогда ничего не выбрасывал.

– Для чего мне, по-твоему, нужен чердак? – ворчал он, сердито сверкая глазами. – Для того, чтобы хранить на нем всякий хлам!

Чемодан мистера Чистюли вполне мог бы уютно пристроиться в пыльных кучах барахла на чердаке бабушки. Чего там только не было! Подвенечное платье бабушки из белоснежных кружев (*некогда*), успевшее сначала пожелтеть, а позже – посереть от толстого слоя пыли. Оно висело на вешалке, прямо на деревянной балке над лестницей. И потому было первым, что бросалось в глаза, как только я поднималась на позабытый всеми третий этаж старого дома.

Честно сказать, в полутьме чердака это старое свадебное платье с длинными рукавами казалось мне пугающим. Как

неуспокоенное привидение, стенающее в сырых стенах замка. Жуть!..

Еще на чердаке у дедушки хранились стопки всяких книг. Редкие сказки в кожаных переплетах с тисненными буквами, какие-то унылые научные энциклопедии, медицинские справочники и пухлые словари... В общем, ничего интересного.

Хотя, справедливости ради, отмечу, что иногда мне все же удавалось отыскать там настоящие сокровища. Например, совершенно новенькую златокудрую куколку, которая грустно тарасила голубые глаза из запечатанной коробки. Вряд ли дедушка обрадовался бы, узнай он, что я в тот же день вытащила куклу из дома, спрятав ее вместе с коробкой в дупле старой ивы, растущей у забора. А потом, когда мы с мамой собирались уезжать в аэропорт, я тайком сунула ее в свой маленький чемоданчик...

Мне до сих пор ужасно стыдно за то, что я сделала. Наверняка дедушка с радостью отдал бы мне эту чертову куклу, если бы я его об этом попросила. Возможно, он даже был бы искренне рад этому. Ну, тому, что его барахло наконец кому-то понадобилось. Но я так и не рассказала ему о том, что взяла с чердака игрушку. Мне не хватило духу.

– Прости меня, дедушка, – вздохнула я, с тоской разглядывая старый коричневый чемодан. – Если ты меня слышишь...

А потом я вытянула вперед руку и осторожно, кончиком

пальца, потрогала странную вещь. Наощупь чемодан оказался холодным, жестким и шершавым. Мне не понравилось это ощущение.

– Бррр... – я поморщилась, отдернув ладонь. – Как будто окоченевшая чешуя дракона.

Понятия не имею, как выглядит чешуя дракона. Тем более, окоченевшая. Просто в тот момент мне показалось, что это словосочетание как нельзя точно передает мои тактильные ощущения.

Я даже наклонилась поближе к чемодану, чтобы его понюхать. Но, не рассчитав расстояния, больно ткнулась кончиком носа в железную застежку.

В носоглотке тут же противно защипало. А через несколько секунд на кончике языка появился противный соленый привкус.

– Вот дерьмо! – я в панике отшатнулась, зажав пальцами кровоточащий нос. – О, нет!.. Нет, нет, нет!

Я в ужасе таранилась на чемодан. Смотрела, как большая бурая капля крови медленно стекает по его кожаной крышке, оставляя после себя тонкую багровую полосу.

Мне конец. Я ни за что не сумею оттереть эту чертову каплю так, чтобы Чистюля ничего не заметил.

Вскочив на ноги так резко, что у меня пошла кругом голова, я замерла у входной двери, лихорадочно озираясь по сторонам.

Я помнила о том, что говорила мне мама – кровь нельзя

смывать горячей водой, потому что она сворачивается, намертво впитываясь в поверхность. Поэтому, если вы хотите отстирать свой белый носовой платок, суньте его под холодную проточную воду, предварительно намазав пятно мыльной пеной.

Может, это сработает и с кожаным чемоданом? *Пожалуйста, пусть это работает!..*

Я ринулась в ванную на ватных ногах, все еще зажимая одной рукой свой кровоточащий нос. Интересно, кто из моей немногочисленной родни наградил меня такими хрупкими сосудами? Не припоминаю, чтобы у мамы когда-нибудь шла носом кровь. А дедушка при мне несколько раз с размаху стучался им сослепу о дверные косяки. И ничего. Зато мои многострадальные ноздри готовы были извергнуть из себя кровавые реки с поводом и без.

Проклиная все на свете, особенно – свою кровеносную систему, я схватила с вешалки чистое белое полотенце, сунула его в раковину и включила холодную воду. Затем немного отжала рыхлую махровую ткань, чтобы с нее на пол не капала вода, и понеслась обратно ко входной двери номера.

Кровавая капля уже успела добраться до середины чемодана. Очевидно, мои эритроциты не спешили сворачиваться и прекращать свое нежданное путешествие.

Мои руки тряслись, в голове прыгал поток бессвязных мыслей, перед глазами кружили неоновые мухи. Не помню, как именно я оттирала крышку чемодана. Помню только то,

как мое сердце внезапно запуталось в ребрах от страха, когда за дверью раздались чьи-то тихие шаги.

Отпрянув к кровати, я прижала к лицу мокрое полотенце, быстро юркнула под одеяло и сделала вид, что крепко сплю.

– Софи, – встревоженный мужской голос прозвучал сразу же, как только стих скрип открываемой двери. – Что с тобой?

Холодная ладонь легла на мое пылающее плечо, заставив вздрогнуть.

– А, это, – я легкомысленно фыркнула, покосившись на окровавленное полотенце. – У меня часто идет носом кровь. Мама говорит, что это возрастное.

Его темные глаза остановились на моем лице, загадочно поблескивая. Осторожно привстав в кровати, я бросила быстрый взгляд в сторону чемодана и едва не вскрикнула от ужаса. Теперь кровавой полосы не было. Зато на крышке темнели большие влажные пятна, оставшиеся от мокрого полотенца.

Нужно время, чтобы намочшая кожа полностью просохла. Наверное, минут десять. Как минимум. Если мистер Чистюля сейчас решит повернуть голову и проверить, все ли в порядке с его багажом, он сразу все поймет. И бросит меня здесь одну. Вряд ли он даст мне возможность все объяснить. Такие, как он, не привыкли выслушивать чужие оправдания.

Я должна его отвлечь. Сделать все возможное, чтобы его черно-желтые глаза смотрели только на меня. Чтобы чемодан успел просохнуть. Иначе... Это будет конец.

– Мне что-то нехорошо... – я прислонила ладонь к своей щеке и сделала вид, что готова потерять сознание. – Ты не мог бы открыть балконную дверь? Пожалуйста...

На улице холодно и сыро. В номере натоплено и душно. Простые расчеты: если он распахнет настежь дверь, из-за разности давления поток сухого теплого воздуха хлынет в образовавшуюся щель, унося вместе с собой всю влажность. Именно поэтому, если вы решите проветрить квартиру зимой, воздух в комнате станет заметно суше.

Это должно помочь просушить чемодан быстрее. Пожалуйста!..

– Так лучше? – сухо поинтересовался Чистюля, возвращаясь в номер.

Теперь от него пахло дорогими сигаретами. Наверное, оказавшись на балконе, он решил заодно покурить. Мудрое решение. Такими темпами у меня есть все шансы скрыть позорные следы своего непослушания.

– Да, – я сделала тяжелый вдох, падая спиной на подушку. – Спасибо.

Он молча кивнул, и копна его пепельно-светлых волос рассыпалась на висках красивыми искрящимися бликами.

Мои волосы никогда так красиво не блестели. Не знаю, что вообще нужно с ними делать, чтобы они так искрились. Разве что насквозь пропитывать их какой-нибудь звездной пылью.

– Подожди, – я схватила его за запястье в тот момент, ко-

гда он собирался стащить с себя осенний плащ, угрожающе повернувшись в сторону входной двери. – Расскажешь мне сказку?

– Что?

Его темные глаза непонимающе уставились на меня. Он застыл в десятке сантиметров от моего лица. Так близко, как никогда прежде. Настолько, что теперь я могла рассмотреть бледную россыпь едва различимых веснушек, покрывающих его прямой узкий нос.

– Когда я болею, мама иногда рассказывает мне перед сном сказку, – пояснила я, нехотя выпуская из своих пальцев его изящное запястье. – Обычно это бывает редко, потому что она много работает.

Мистер Чистюля нахмурился и медленно опустил на край постели, продолжая сверлить меня пронизывающим взглядом.

О да! Продолжай смотреть в мою сторону как можно дольше!..

– Ты не слишком взрослая для сказок?

Мне показалось, что он немного растерян. Как будто я сбила его с толку своей странной просьбой.

– Мне всего семнадцать, – напомнила я, пряча замерзшие руки под одеялом. – К тому же, для сказки никогда не бывает поздно.

Он задумчиво умолк, как если бы пытался воскресить в своей памяти что-то подходящее.

От мистера Чистюли пахло уже знакомым одеколоном. Терпким, мужественным, и одновременно – таинственным и едва уловимым. Он сидел прямо у моих ног, держа спину так прямо, словно позировал какому-то невидимому скульптору. Его красивые ухоженные руки лежали на его коленях, сомкнутые в замок (*попытка выставить между нами психологический барьер?*), и я вдруг осознала, что под несколькими его ногтями темнеет почти неразличимая кайма, которую моя мама часто называла «маникюром фермера».

Что-то я не помню, чтобы у мистера Чистюли были грязные ногти. Ни тогда, в машине, когда его пальцы лежали на руле, ни сейчас, когда он уходил из номера. На то он и мистер Чистюля, чтобы сиять как надраенный до блеска новенький цент.

...*Куда он ходил?* И почему выглядит таким уставшим?

– Я знаю всего одну сказку, – проговорил он наконец. –

Вернее, стишок.

– Какой?

– Про Джейкоби Брауна.

– А это случайно не тот стишок, где мальчик залез в корову, а затем задохнулся?

Я с подозрением покосилась в его невозмутимое лицо. Только сейчас я заметила, каким благородным оно казалось. Я ни разу не встречала таких лиц в своем гетто. Наверное, люди, как он, обитают в каком-то специальном квартале. В районе для красавчиков.

– Нет, – Чистюля слегка качнул головой. – На самом деле, он забрался в овцу. Рассказывать?

– Ну, давай...

– Джейкоби, Джейкоби, Джейкоби Браун, супа наевшись, забрался в овцу...

– О боже!.. – я закатила глаза к потолку и тяжело вздохнула.

Кто-то до сих пор помнит это стародавнее дерьмо? Серьезно?

– Джейкоби, Джейкоби, Джейкоби Браун больше не дышит, скажите отцу. Конец.

– Знаешь, из тебя выйдет ужасный отец. Это самая тупая сказка на свете!

– Почему же?

Он удивленно приподнял густую бровь. Хорошо, что из-за жара у меня все плыло перед глазами, а мысли путались, как дешевые вязальные нитки. Иначе, насмотревшись на него, я бы снова ощутила себя кошмарным ничтожеством. Но высокая температура надежно защищала меня от очередного падения самооценки, навязчиво размывая идеальный мужской силуэт, темнеющий на краю кровати.

– Потому что сказки должны чему-нибудь учить. Нести в себе какой-то смысл.

– В этом стишке очень много смысла, – уверенно произнес мистер Чистюля. – Не все сказки заканчиваются хорошо. Зато благодаря этой ты узнаешь, что бывает с детьми, кото-

рые суют свой нос туда, куда не следует.

– А почему ты так на меня смотришь?

– Я знаю, что ты трогала мой чемодан.

– Не трогала, – быстро выпалила я.

Влажные пятна на поверхности истертой коричневой кожи уже успели испариться без следа. Пока мистер Чистюля пялился на меня, хмуря свои аккуратненькие бровки, я успела убедиться в этом несколько раз, осторожно поглядывая в сторону двери и не привлекая лишнего внимания.

– Не лги мне, Софи. Когда я уходил, он был повернут к двери на тридцать шесть градусов. Когда я вернулся, угол сократился до двадцати девяти.

– Ты что, таскаешь с собой транспортир? – я удивленно округлила глаза. – В любом случае, я его не открывала. Просто прикоснулась к нему. Это что, какое-то преступление?

– Я просил тебя не трогать этот чемодан.

– Ладно, прости, – я повернулась на бок, обхватила обеими ладонями подушку и широко зевнула. – Если для тебя это так важно, я больше даже смотреть в его сторону не буду.

Он молча вздохнул. А потом поднялся с постели.

Ну да, конечно. Естественно... Жалкая Софи Доусон, причиняющая нормальным людям дискомфорт одним фактом своего существования. Все, как и обычно.

Знаете, каким людям никогда не прощают малейших ошибок и даже несущественных недочетов? Тем, на кого всем наплевать. Есть такая категория человекоподобных, ко-

торые бесят всех вокруг даже без особой причины. Просто потому, что они – это они.

Ну, вы же прекрасно понимаете, о чем я. Это именно тот случай, когда ты опаздываешь на пару в универе всего на три с половиной минуты потому, что тебя переехал автобус, в результате чего ты потерял обе ноги, и тут же нарываешься на неодобрительный взгляд старого седого препода, сквозящий неприкрытым презрением. Робко плетешься на свое место – конечно же, самое дальнее и отстойное во всей аудитории. А спустя полчаса в дверь без стука вваливается какой-нибудь отпетый говнюк. Демонстративно чавкая мятной резинкой, он целеустремленно идет к своему креслу и с размаха плюхается в него. Спустя секунду его грязные подошвы уже темнеют на краю новенькой парты. А препода такой: «Джонсон!», и ты тайно потираешь свои крошечные ладошки (*будто енот, выпрашивающий обеды*), предвкушая уничижительнейшую прилюдную взбучку.

Но проходит еще одна секунда, и старый препода добавляет: «Надеюсь, ты отлично провел эти выходные, Джонсон». А потом многозначительно подмигивает ему.

И ты такой – *ах, ну да!* Хлопаешь себя по лбу, и запоздало вспоминаешь о том, что таким, как Джонсон, позволено абсолютно все. Ведь рамки, придуманные обществом, существуют исключительно для таких, как ты. И для тебе подобных. Для *НЕДжонсонов*.

Потому что Джонсон с легкостью может навалить дымя-

щуюся кучу прямо перед центральным департаментом полиции. И все, что его ожидает – это участливая забота подопевших полисменов, готовых подтереть его зад самой нежной и мягкой туалетной бумагой, созданной специально для всех Джонсонов этой планеты.

А тебя ждет иная судьба. Потому что ты почему-то проявил ужасное равнодушие, не решившись перевести через дорогу старого сифилитичного дедушку, харкающего кровью. Поэтому проходивший мимо патрульный повалит тебя на землю и примется запинывать дубинкой до полусмерти под одобрительные аплодисменты Джонсонов, проходивших мимо. И даже если тебя заколотят до комы, никому не придет в голову мысль о том, что что-то в этой истории пошло не так. Так тебе и нужно, *НЕДжонсон!*..

– Знаешь, что? – откашлявшись, я повернулась к мистери Чистюле, методично копошившемуся в карманах своего плаща. – Теперь я буду называть тебя Джонсон. Как тебе?

Он вытащил наружу пачку сигарет, придирчиво оглядел ее, затем распаковал и зачем-то принялся к показавшимся изнутри желто-коричневым фильтрам.

– Мне все равно, – произнес он, даже не посмотрев в мою сторону.

– Кто бы сомневался... – проворчала я, потуже закутываясь в одеяло. – Типичный Джонсон именно так бы и ответил.

Из-за распахнутой балконной двери в номер просачивался аромат холодной осени. Терпкий, как дорогой черный шо-

колад и немного прелый, как кучка прошлогодних листьев, размякших под декабрьским сугробом.

Думаю, осень – самое подходящее время для безрассудной любви. Вокруг становится достаточно холодно и одиноко для того, чтобы сломя голову броситься в первые попавшиеся теплые объятия. Поэтому любовь, зародившаяся осенью, обречена нести с собой только боль.

Мистер Чистюля молча дымил на балконе, облокотившись о мокрые перила. Немного приподнявшись над подушкой, я могла разглядеть кусочек его ровной спины и белеющие в темноте густые волосы. Влажный ветер аккуратно трепал их, будто боясь потревожить ледяное безмолвие застывшего под снежным дождем мужчины.

– Мне холодно, – сипло прокричала я, съезживаясь от возобновившейся дрожи. – Не мог бы ты...

Но он опередил меня. Оглушительный звук захлопнутой двери заставил мое тело нервно дернуться в кровати.

Так грубо. Так равнодушно. Так по-Джонсоновски.

Глотая слезы обиды, я уткнулась лицом в подушку, стараясь ничем не выдать своих рыданий. Хотя прекрасно понимала, что ему наплевать. Даже если бы он увидел слезы на моих щеках, то просто сделал бы вид, что ничего не заметил. Уверена в этом...

Он проторчал на балконе больше часа. Тупо курил одну за другой и даже ни разу не обернулся, чтобы проверить, что происходит в спальне за его спиной. Или проверить *меня*.

Вытерев в рукав фиалковой толстовки мокрые глаза, я потянулась к своему плееру, лежавшему на краю прикроватной тумбы. Сунула в уши потертые наушники, включила музыку погромче и зажмурилась изо всех сил.

Ну же, Софи!.. Ты ведь умная девочка. К чему эти тинейджерские сопли? Ты ведь прекрасно знаешь о том, что этот мир ничуть не похож на глянцевый шарик, каким его изображают на школьном атласе. Он колючий, мерзкий и холодный. Прямо как его чертовы желто-карие глаза.

Здесь выживают только бездушные, сильные и циничные. А слабых и чувствительных давят грязной подошвой как тараканов. Потому что окружающая реальность не заточена под людей, способных любить. Тем более, так жадно, так туго и внезапно.

Так чего же ты хотела? Чтобы он схватил тебя за руку своими ледяными пальцами? Чтобы погладил твои непослушные волосы? Или прикоснулся обветренными губами к твоей щеке? Господи, да ты чего?..

Я фыркнула себе под нос, размазала слезы по лицу и ощутила, что мне стало немного легче. В ушах доигрывал трек «*JoJo – Leave*», и я наивно рисовала в своем воображении душеспасительные картины того, как я разбиваю мерзкому блондину его ледяное сердце. Как он жалобно глядит мне вслед, протягивая ко мне свои изящные запястья. А я громко смеюсь прямо в его красивое и несчастное лицо. А потом повисаю на шее двухметрового красавчика-старшеклассни-

ка (в нашей школе как раз есть подходящий). И вот он подхватывает меня на руки, оттаскивает к своему кабриолету. И мы уезжаем прочь под мягкие басы играющего на повторе трека.

А мистер Чистюля остается под противным дождем. Со всем один. Такой несчастный...

И я, выпрыгивая на ходу из авто, несусь обратно. Запрыгиваю на него с разбега. Запускаю свои пальцы в его блестящие светлые волосы. И обнимаю его так сильно, что слышу, как тихо хрустят его хрупкие косточки.

...Какая же я жалкая! Даже в собственном воображении я не могу сохранить остатки собственного достоинства.

Представляю, как насмешили бы мистера Чистюлю мои унижительные мечты. Как он смеялся бы надо мной, узнав о том, как меня трясет от звуков его голоса. От запаха его мужского одеколona. От его бледного лица.

Как хорошо, что люди до сих пор не научились обмениваться мыслями...

Немного придя в себя, я осторожно приподнялась над постелью и выглянула сквозь стеклянную балконную дверь.

Он все еще торчал снаружи, продолжая курить. Застыл в напряженной позе, полностью растворившись в своих мыслях.

Интересно, о чем он сейчас думает?.. Он кажется таким грустным, таким отчаявшимся в эти мгновения. Как будто кто-то сделал ему очень больно. Как будто он терпеливо

страдает, стиснув ровные белые зубы.

А что, если так и есть? Он ведь говорил о том, что я ему кого-то напоминаю. Что, если... Что, если я напоминаю ему именно *ее*?

Я попыталась вообразить себе эту девушку. Даже если я чем-то похожа на нее, то это сходство явно им преувеличено. Сомневаюсь, что разбить его черствое сердечко смог бы кто-то вроде меня.

У нее определенно должны быть красивые гладкие волосы. Такие же, как у него. Ну, уж точно не хуже. Наверняка она выглядит как гребаная фотомодель. Вряд ли мужчина вроде мистера Чистюли способен так убиваться по голодранке вроде меня.

И коленки у нее точно не торчат острыми треугольниками из-под единственных рваных джинсов. И пахнет от нее не ржавым трейлером, а элитными духами. А на лице – не дешевая черная тушь, подаренная мамой на Рождество, а дорогушая красная помада, длинные наращенные ресницы и блестящие розовые румяна. Те самые, которые я видела на лице у одной модели в подростковом журнале. Кажется, они стоили в районе ста восьмидесяти баксов. А подпись под ними обещала, что *«с этим трендовым мейкапом я наверняка не останусь незамеченной в своей тусовке»*. Ага, это уж точно. Учитывая, что для их покупки мне пришлось бы подрабатывать целый месяц. Думаю, Хелена и Тревор наверняка бы оценили мои сверкающие щеки.

Я вздохнула, подтянула к себе продрогшие ступни и села в постели, обернувшись одеялом.

Нужно срочно отвлечься от всего этого дерьма. Иначе я просто окончательно расклеюсь. И он выставит меня из своего номера вместе с моими опухшими от слез глазами и красным клоунским носом.

Вытащив наушники и швырнув их обратно на тумбу, я потянулась к телеку, висевшему на стене напротив кровати, схватила ладонью пульт и шмыгнула обратно под одеяло.

– В полицейском департаменте заявили, что готовится официальное обращение для журналистов, – пробубнил знакомый голос диктора с новостного канала. – Сессия состоится завтра, в девять часов утра. А пока власти штата напоминают о необходимости проявлять особую бдительность. Помните о том, что любая молодая женщина может оказаться в зоне риска. Если вы заметили что-то подозрительное, незамедлительно свяжитесь с полицией по указанному ниже номеру.

Отвлеченная шумом работающего телека, я не сразу заметила возвращение мистера Чистюли. И поняла, что он стоит рядом со мной только в тот момент, когда мне в нос ударил едкий аромат табака.

– Выключи, – скомандовал он, скользнув мрачным взглядом по широкому экрану.

– Но...

– Я сказал, выключи.

Он сунул в карман брюк полупустую пачку сигарет и сделал шаг ко входной двери, полностью уверенный в том, что я брошусь незамедлительно выполнять его приказ.

– Да пошел ты, – выпалила я, вызывающе глядя в его акkuratно подстриженный затылок. – Я тебе не ручная собачка, понял?

Мне стало так страшно, как в тот раз, когда директор младшей школы предложила мне выступить в актовом зале перед старшекласниками. Я должна была рассказать им со сцены, как мы все гордимся ими и как рассчитываем на то, что они станут достойными членами нашего американского общества.

Я была спокойна, пока наш желтый автобус тащился по шоссе к зданию старшей школы. Спокойна, когда шла вместе с толпой одноклассниц по широким школьным коридорам. И даже тогда, когда уселась на пустующее мягкое кресло в огромном, ярко освещенном зале, забитом незнакомыми людьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.